

ИССЛЕДОВАНИЯ

В. П. АДРИАНОВА-ПЕРЕТЦ

Человек в учительной литературе древней Руси

Среди других новых вопросов истории и теории древнерусской литературы с 1940-х годов советские литературоведы выдвинули проблему стилей изображения человека в разных жанрах литературы XI—XVII вв. Сосредоточив в эти годы внимание по преимуществу на исследовании исторических жанров — летописей и исторических повестей XI—XVII вв., литературоведы именно на этом материале сделали первые наблюдения над способом изображения «положительного» и «отрицательного» исторического героя. Был определен идеализирующий характер созданных в XI—XVI вв. образов, в которых выделялось должное, желательное, или отвергаемое, с точки зрения феодального строя и обязательной этики христианства. Вместе с тем намечалась необходимость учитывать частичное отражение в идеализируемых положительных образах идеала «любви к родине, мужества, воинской храбрости, общественных и семейных отношений», — идеала, «выраженного в устном народном эпосе».¹

С 1951 г. в «Трудах Отдела древнерусской литературы» начали издаваться исследования Д. С. Лихачева, посвященные теме изображения человека в исторических и житийном жанрах: «Проблема характера в исторических произведениях начала XVII в.» (т. VIII, 1951), «Изображение людей в летописи XII—XIII вв.» (т. X, 1954), «Изображение людей в житийной литературе конца XIV—XV в.» (т. XII, 1956). Так постепенно накапливался материал, который послужил основой монографии Д. С. Лихачева «Человек в литературе древней Руси», вышедшей в 1958 г. и вторично — в 1970 г. В этом исследовании Д. С. Лихачев охватил разные виды исторических жанров — от летописей XI—XIII вв. до исторических повестей XVI—начала XVII в., показал на материале Хронографа и житий «экспрессивно-эмоциональный стиль конца XIV—XV в.», «кризис средневековой идеализации человека в житийном жанре» и подробно охарактеризовал новые явления в литературе XVII в., демократической и «стиля барокко».

В монографии Д. С. Лихачева в поле зрения исследователя находятся почти все важнейшие памятники древнерусской литературы, им найдено место в истории развития способов литературного изображения человека. Но в этом «почти» остались пока без объяснения два замечательных произведения XII в. — «Поучение» Владимира Мономаха и «Слово» Даниила Заточника. Возникает вопрос: почему эти два светских автора — один наполовину, а другой почти целиком — построили

¹ В. П. Адрианова-Перетц. Заключение в кн. «История русской литературы», т. II, ч. 2. М.—Л., 1948, стр. 430.

свое изложение на материале религиозно-дидактической литературы? А отсюда рождается и общий вопрос: какова была роль переводной и русской религиозно-дидактической литературы в литературном процессе древней Руси?

Опытом постановки этого вопроса была моя статья «К вопросу об изображении „внутреннего“ человека в русской литературе XI—XIV вв.».² В настоящем исследовании поставлена задача показать, каков был вклад в «человековедение» древнерусской учительной — переводной и оригинальной — литературы, есть ли основание учитывать воздействие теоретических представлений этой литературы о психологии человека на другие литературные жанры. В соответствии с поставленной задачей исследуется прежде всего «человековедческий» материал переводной религиозно-дидактической литературы («слов», «поучений», сборников афоризмов); из него выделена часть, значение которой не ограничивается рамками христианской морали, — часть, наиболее прочно закрепившаяся в сознании читателей, выдержавшая испытание временем. Затем рассматриваются основные примеры явного воздействия переводной литературы на представления авторов о человеке и на его литературное воплощение. Особо ставится вопрос о связи с психологическими представлениями учительной литературы некоторых новых явлений в способе изображения человека историческими и демократическими произведениями XVII в.

* * *

Что входило в состав переводной религиозно-дидактической (учившей «человековедению») литературы, принесенной на Русь вместе с христианством? Прежде всего это были ветхозаветные книги — Притчи Соломона, Премудрость Соломона, Премудрость Иисуса сына Сирахова, — которые состояли из отдельных изречений нравоучительного характера, рисующих идеал практической жизни «мудрого» человека. Судя по цитатам, у старших русских писателей обе книги Соломона были известны на Руси уже в XII в.; изречения Иисуса Сирахова включены в выдержках в состав Изборника 1076 г. Отдельные стихи поэтической книги Псалтырь, известной в русских списках с XI в., также превращались в изречения, выражавшие настроения человека. Были известны в киевском периоде и пророческие книги, из которых уже в XII в. извлекались призывы к гуманности, милосердию, а также предостережения против жестокости властей по отношению к подчиненным. Из новозаветной части Библии — из евангелий и апостольских посланий — с учительными целями приводились притчи и поучения, разъяснявшие требования христианской этики. Обширный раздел учительной литературы составляли сочинения византийских отцов церкви (преимущественно III—VIII вв.). В той их части, которая посвящена проповеди христианской морали, содержится много наблюдений над «нравом» и «помыслами», над страстями человека.

Извлечения из библейских и святоотеческих книг на морально-философские темы уже в Византии составили сборники, получившие наименование «Пчела». Не позднее начала XIII в. один из таких сборников был переведен на Русь. В этой Пчеле после «речи и мудрости от Евангелия и от апостол и от святых муж», под которыми разумелись и ветхозаветные Соломон и Сирах, цитируются изречения «внешних философов»

² Вопросы изучения русской литературы XI—XX вв. М.—Л., 1958, стр. 15—24.

(стр. 1).³ Этим именем объединены выписки из сочинений поэтов и ученых древней Греции и из трудов более поздних авторов. В Пчеле есть и обширные выписки из разных сочинений, и короткие афоризмы, и иллюстрирующие их рассказы (исторические и псевдоисторические), остроумные ответы знаменитых людей древности.⁴

Кроме Пчелы, в разных ее русских редакциях, в отдельных списках и сборниках распространились изречения Менандра под заглавием «Мудрость Менандра» и изречения Исихия и Варнавы.

Религиозно-дидактическая (церковно-учительная) литература в тех ее разделах — библейском и святоотеческом, которые посвящены теме человека — его «нрава», «помыслов» и определяемого ими поведения, не была в древней Руси связана лишь с применением в церковной службе. Уже в XI в. ее оценивали как материал для домашнего назидательного чтения, как источник авторитетных нравоучений и выразительных примеров. Когда в 1076 г. «грешный Иоанн» выбирал из рукописных книг княжеской библиотеки высказывания отцов церкви и библейские изречения на общую тему, «како жити христианину», он готовил именно книгу для душеполезного домашнего чтения. Многие в этих выборах выходило за рамки разъяснения собственно религиозных вопросов. Цитируемые авторы внушали правила общечеловеческой этики, независимые от хри-

³ Наиболее часто цитируемые в настоящей статье издания получили следующие сокращения:

Амфилохий I — Арх. Амфилохий. Древле-славянская Псалтирь Симоновская до 1280 года. Изд. 2-е, т. I. М., 1880.

Амфилохий II — То же, т. II. М., 1881.

Басни Эзопа — Басни Эзопа. Перевод, статьи и комментарии М. А. Гаспарова. М., 1968 (серия «Литературные памятники»).

Богданов — Собрание пословиц А. И. Богданова. В кн.: Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII—XX веков. Издание подготовили М. Я. Мельц, В. В. Митрофанова, Г. Г. Шаповалова. М.—Л., 1961.

Даль — Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. М., 1957.

Изборник 1076 г. — Изборник 1076 года. Тексты и исследования. Издание подготовили В. С. Гольшченко, В. Ф. Дубровина, В. Г. Демьянов, Г. Ф. Нефедов. М., 1965.

Измарагд — Измарагд. Издание Московской старообрядческой книгопечатни. М., 1912.

Исихий, Варнава — Изречения Исихия и Варнавы по русским спискам. Сообщение В. Семенова. ПДП, ХСII, СПб., 1892.

Менандр — Мудрость Менандра по русским спискам. Сообщение В. Семенова. ПДП, LXXXVIII, СПб., 1892.

Паус — Собрание пословиц И. В. Пауса. В кн.: Пословицы, поговорки, загадки. . .

Петр. — Сборник пословиц б. Петровской галереи. Там же.

Повесть об Акире — А. Д. Григорьев. «Повесть об Акире Премудром». М., 1913.

Пчела — Древняя русская Пчела по пергаменному списку. Труд В. Семенова. СПб., 1893.

Пчела Роз. — Материалы по истории русских Пчел. Сообщил С. П. Розанов. ПДПИ, CLIV, СПб., 1904.

«Разумения единострочные» — М. Н. Сперанский. Переводные сборники изречений в славянорусской письменности. Исследование и тексты. М., 1904.

«Священные параллели» — Там же.

Симони — Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий. Собрал и приготовил к печати Павел Симони. Вып. I. СПб., 1899.

«Слово» Даниила Заточника — «Слово» Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Приготовил к печати Н. Н. Зарубин. Л., 1932.

Татищев — Собрание пословиц В. Н. Татищева. В кн.: Пословицы, поговорки, загадки. . .

Тимошенко — И. Е. Тимошенко. Литературные первоисточники и прототипы трехсот русских пословиц и поговорок. Киев, 1897.

⁴ Характеристика содержания Пчелы дана в моей статье «Сборники морально-философских изречений» (История русской литературы, т. I. М.—Л., 1941, стр. 173—176).

стианской и феодальной идеологии, причем эти правила касались личного поведения человека и его взаимоотношений с окружающими. В составе сборников — этой наиболее распространенной формы древнерусской рукописной книги — рядом с историческими, житийными и повествовательными произведениями мы постоянно находим в большем или меньшем количестве поучения, переводные и русские (последние для придания им большей авторитетности нередко надписывались именами отцов церкви), и в том числе и такие, основной темой которых было «человековедение». К XIV в. из этих поучений слагается Измарагд, в который вошли лучшие произведения именно такого типа.

Насколько популярным чтением были поучения на моральные и вообще человековедческие темы, можно судить хотя бы по тому, как часто цитаты из них встречаются у русских писателей начиная с XII в., а весь морализирующий раздел «Домостроя» построен на поучениях Измарагда. Судя по числу сохранившихся списков, большой интерес у читателей вызывали и сборники изречений. Извлеченные из религиозной литературы и из сочинений «внешних философ» светские афоризмы этих сборников главное внимание сосредоточивают на основных правилах человеческой морали, рекомендуют черты поведения, обязательные для каждого члена общества, и гораздо реже затрагивают вопросы социальных связей, взаимоотношения разных классовых групп. То положительное, чего требуют от каждого человека в его личном и общественном поведении избранные из разных источников изречения, — это общеобязательная норма поведения; она не определяется ни специфически религиозными, ни классовыми требованиями. Нарушения этой нормы осуждаются одинаково и язычниками — античными писателями, и отцами церкви, наставлявшими в средние века христианские народы. С этими нормами вплоть до нового времени мы встретимся в пословицах и поговорках, выражающих народную мудрость. Именно в совпадении в самом понимании основ морали и заключается причина того, что иногда книжный афоризм усваивался народной пословицей и в слегка обработанной форме жил долгие века. Но зачастую народная пословица, сложившаяся независимо от литературы, по мысли аналогична далекому от нее по времени книжному афоризму.

Изучение наследия учительной литературы древней Руси в его «человековедческой» части расширяет и углубляет наше представление о древнерусском человеке — читателе и писателе, о его способе мышления, о том, что он умел разглядеть во внутреннем мире своем и окружающих, в своих взаимоотношениях с ними, как он оценивал те или иные стороны личной и общественной жизни. Вместе с тем мы узнаем, насколько подготовлен был русский писатель теоретически к литературному изображению человека во всей сложности его «нрава», когда эта задача станет главной для литературы в целом.

I

Поставив перед собой задачу научить людей жить в соответствии с нормами христианско-феодальной этики, афористические сборники, наряду с другими разновидностями учительной литературы, не только разъясняли эти нормы, предостерегали от нарушений их, наглядно изображая и причины отступлений от них, и вредные последствия, но вместе с тем требовали и от самого человека активной проверки своего «нрава», «помыслов» и поведения.

Призыв прежде всего внимательно всматриваться в свой душевный мир, чтобы проверять свое поведение, древнерусский читатель услышал

уже в Притчах Соломона, который советовал: «Внимай себе, да избежиши яко серна от тенета и яко птица от пругла» (гл. 6, ст. 5). В Пчеле этот призыв подкреплен авторитетом античных философов: Именем Сократа надписано там изречение «Разумей сам себе» (стр. 344). Платону приписан призыв: «Начало разуму — разуменье невежества своего. Мы же, не ведуще ничтоже, мнимся всеведуще» (стр. 342—343).⁵ Позднее «Разумения единоточные» Григория Богослова, представляющие собой одну из византийских редакций Менаандра, повторили в ином изложении лаконичный совет Сократа: «Еже себе ведати — везде потребно есть» (стр. 409).

Пчела, пометив особым заглавием раздел «О разумей о себе», поместила в нем изречения и библейских авторов, и византийских отцов церкви на тему афоризма Сократа, подчеркивавшие пользу этого «разумения». От имени Сираха внушалось: «Чадо, в животе своем искуси душу свою и вижь, что лукаво в ней есть, и не дай ей воли, не вся бо всем пользуются» (стр. 341); св. Василий напоминал: «Иже смотрит сам себе со испытаньем, то уподобен наставник есть душе своей» (стр. 394), а Богослов внушал: «Испытай себе больма, нежели ближних, тем бо себе пользуеши, а онем ближним» (стр. 395).

Познавая себя, человек должен помнить, что он сам отвечает за свои поступки. Поучение Иоанна Златоуста «О самовластии» наставляло: «Самовластны бо богом сотворены есмы — или спасемся, или погибнем волею нашею». Нельзя ссылаться на то, будто наши поступки определяются «естеством», самой нашей природой: «Мнози бо глаголют: родом есмы гневливи или блудни, да не можем удержати себе в сих». Автор возражает, приведя бытовой пример: если ты, «будеши крадий или блуд творяй», увидишь кого-то идущего к тебе, ты не объяснишь ему — «родом есмь таков», но убежишь и «престанеши злое творя». ⁶ Итак, человек «родом», «по естеству» не может быть ни добрым, ни злым. Выписка из другого «слова» Иоанна Златоуста, введенная в раздел Пчелы «О житии добродетели и о мудрости», гласит: «Да не глаголемь, яко он сии есть естеством благ, а он сии естеством зол. Аще бо кто естеством благ, то никогда же может быти зол; аще ли естеством зол, то никогда же может быти благ» (стр. 3). Отсюда в поучении того же автора «О напастех и бедах» делается вывод, что дурное и хорошее может в человеке совмещаться: «Несть праведна, иже не имать ничто же согрешения, и несть грешна, иже не имать ничто же блага». ⁷ Утверждая «самовластие» человека, учительная литература изображала, как в человеке «правда» борется с «неправдой». «Слово святых отец о правде и неправде» ⁸ представляет виновником этой непрестанной борьбы в человеке двух начал — доброго и злого — «диявольский ум», не снимая, однако, этим ответственности за «неправду» с самого человека.

В борьбе человека за правду против неправды и за добро против зла в его собственном поведении ему рекомендуется соблюдение религиозных требований (молитва, пост, мысли о вечном спасении, любовь к ближним,

⁵ Античный первоисточник изречения Сократа находится в диалоге Платона «Протагор», где сообщается, что слова «Познай самого себя» семь греческих мудрецов написали в храме Аполлона в Дельфах. Сократ разъяснял и распространял эту мысль (см.: Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. Изд. 3-е. М., 1966, стр. 524).

⁶ Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, вып. 4, ч. II. СПб., 1898, стр. 129.

⁷ Там же, стр. 105.

⁸ Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, вып. 3. СПб., 1897, стр. 84—85.

смирение, покорение и т. д.). Эти наставления дают повод учительной литературе к рассуждениям о лицемерии, которое осуждается и при выполнении требований религии, и в человеческих взаимоотношениях. «Слово» Иоанна Златоуста в Измарагде изображает формальное отношение к молитве: люди идут в церковь, произносят молитвы, а «выходя оттуда, не ведают, что глаголаша: усты движатся, а сами не слышат . . . мысль твоя вне летает . . . рассчитает прикупы, селы, храмы, овощники . . . прекланяетесь на кощуны, на смех, и шепты и иная неподобныя мысли. . .» (слово 165).

«Слово св. апостол и св. отец, како жити христианом» описывает лицемерный пост и его вред для человека: «Аще бо от брашен удержимся, а телесных похотей не удержимся, то ни малы ползы створит нам жестокое воздержание от брашен, а плоды творяще злобны . . . Аще кто пития не пьет и мяс не яст, а злобу держит, таковый пушши есть скота. . .»⁹

Итак, ценность человека определяют его «деяния», притом совершаемые с добрыми намерениями, искренне, а не формально-лицемерно. Поэтому учительная литература «благородие» определяла не по знатности «рода», а по всему «житию» самого человека. Выписка из поучения св. Василия в Пчеле внушала: «Не рѣци ми: прадеды имам славныи, отци. Истиньныи бо закон своим житием велить комуждо хвалитися . . . похвала мужу уверитья от бывших в нем исправлении» (стр. 369). Так и Златоуст в Пчеле учит: «Светла и славна мужа не высота родительная творит, но душевная добродейания» (стр. 369—370).

«Разумение себя» должно вести к умению: владеть собой, победить в себе «неправду» и «зло», проверять свое поведение. Афоризмы Пчелы с разных сторон освещают эту тему. Изречение Иоанна Дамаскина обращается к «властелину»: «То есть властелин истинный, иже себе рассуждаеть и испытаеть, и свою совесть горкаго судию над собою поставляеть, мечь законный над собою въздвизаеть» (стр. 100). Демокрит утверждает: «Права победа се есть, аже кто победит сам себе. А иже побежен есть собою, то студьно и срамно есть» (стр. 413—414). Так и по Аристотелю: «Се бо есть лют и храбор, аще кто себе одолеет»; «Крепльши есть, иже желание побежает, нигли ратники» (стр. 45).

Развивая и уточняя эту общую мысль, Пчела приводит примеры, что именно побеждает в себе человек. Так, св. Василий говорит о победе над грехом: «Тои достоин есть дивленья, иже мога согрешити и не съгрешить» (стр. 27); ему же принадлежит ироническое изречение о цене целомудрия: «Целомудрие, еже при старости, несть целомудрие, но немощь на похоть. Мертвецъ не венчается. Никто же праведник немощи дея на зло» (стр. 26—27). Галий дает положительное определение целомудрия как итога победы над желанием: «Сеи есть целомудр, иже преже падения съблюдаеться падения, неже уже падся и жалуеть» (стр. 24).

Итак, Пчела учит познать себя, чтобы следить за своими поступками, побеждать дурные желания. Тем самым подбор подобных изречений возражает против попыток все объяснять «естеством» — врожденными свойствами человека и, таким образом, снимать с себя ответственность за свои поступки: «Да не хулим естества нашего: житье бо се добро и зло обычаемь бываеть . . . обычай предложився крепльшии есть естества» (стр. 341).

⁹ Там же, стр. 30—31.

Требуя от человека прежде всего «внимать себе», т. е. оценивать свои поступки, афоризмы напоминали, что следует раньше осуждать себя, а не подмечать недостатки у других. Первоисточником изречений на эту тему было Евангелие Луки: «Что же видиши сучец, иже есть во очеси брата твоего, бревна же, еже есть во очеси твоём, не чюеши» (гл. 6, ст. 41; Матфея, гл. 7, ст. 3). С пометой «от еуагелиа» Пчела поместила несколько сокращенный текст этого изречения: «Что зриши сучьда в оце брата своего, а в своем берьвна не видиши» (стр. 340).

В сборнике «Священные параллели» Иоанна Дамаскина (по списку XVI в.) евангельский текст изречения сопровождается толкованием: «Что видиши сук еще в оце брата твоего, а берьвно, еже есть в оце твоём, не видиши. Изми преже берьвено из очесе твоего и тогда узриши изяти сук из очесе брата твоего» (стр. 138).

Старший пересказ евангельского совета находим в «Слове» Даниила Заточника (редакции XII в.): «Всяк видит у друга сучец во очю, а у себе ни бревна не видит» (стр. 63—64).

Именно это противопоставление чужого сучка своему бревну сохранилось и в пословичных вариантах книжного изречения. В записях XVIII в. пословицы еще очень близки к своему евангельскому прототипу: «У друга сучок в глазе видишь, а у себя и бревна не чюешь» (Петр., стр. 35); «У друга в глазах вижу сучец, а у себя не вижу бревна» (Татищев, стр. 63). В сборнике Даля есть вариант, сохраняющий образы «сучок—бревно»: «В чужом глазу порошок — велик сучок, а в своем и бревна не видать», но в другом варианте дается уже новое противопоставление: «В чужом глазу порошок видишь, а в своем пенька не видишь» (стр. 465).

По мысли к этому евангельскому афоризму близки и другие изречения, не получившие, однако, такого широкого распространения. Так, в Изборнике 1076 г. под именем Исихия, пресвитера Иерусалимского, приведено изречение Нила Синайского: «Съмотрим себе, да инем не зазираем: мъного бо того в нас, имъ же то инем . . . зазираем» (стр. 276). Пчела еще резче словами св. Василия выражает эту мысль: «Чюже зло прилежно видишь, а своя срамная дела ничтоже мниши» (стр. 341).

Евангельский призыв вообще отказаться судить других — «Не судите да не судимы будете» (Матфея, гл. 7, ст. 1) — напомнила в Изборнике 1076 г. цитата из «слов» Иоанна Златоуста: «Не осужайте, да не осужени будете» (стр. 453). Этот совет сохранился, по определению В. И. Даля, как пословичное изречение: «Не осуждай и осужден не будешь», «Не суди других, не осудишься от них» (Даля, стр. 736).

Призывая воздерживаться от осуждения друг друга, Изборник 1076 г. поясняет этот совет словами поучения «Еже убо правоверьну веру имети»: «Безгрешнааго есть дело, еже грехом судити чюжим: къто же е без греха, разве един бог» (стр. 251). В устных пословицах сохраняется то первая, то вторая часть этого изречения в оправдание грехов человека. Записи конца XVII—начала XVIII в. извлекают первое утверждение книжного афоризма: «Безгрешна человека на свете несть», «Нет того человека не преступил бы чего» (Симони, стр. 78, 188). Сборник Даля включает и вариант этих старших пословиц («Нет такого человека, чтоб век без греха прожил»), но дает и заключение книжного афоризма: «Един бог без греха», «Один бог безгрешен» (стр. 43).

Непротивленческий совет никого не осуждать, подкрепленный ссылками на евангелистов, не помешал, однако, составителям сборников изречений сурово осудить «льстивых» друзей и советников. Среди многочисленных афоризмов, которые определяют ценность истинной дружбы,

учат выбирать друга, испытывать и беречь дружбу, значительная группа изречений предостерегает от лицемерных друзей, которые льстят богатым и удачливым, но покидают их в беде и несчастье. К этой группе при-мыкают и афоризмы, осуждающие «лукавых» людей вообще.

«Наказание богатым» в Изборнике 1076 г., почти целиком состоящее из советов-изречений, приказывает выбирать таких друзей и «советников», которые будут по справедливости оценивать слова и поступки — «судить», когда они того заслуживают, и не «льстить»: «Тако убо себе друзья и съветьники имей, иже не вься глаголемая тобою хвалять, но судьмь правьдныимь тьштять ся отвештати ти» (стр. 200). Эта мысль развивается и в ряде других советов-изречений Изборника: «Отъвраштя ся ласкавьць льстных словес, яко и вранов, искалають бо очи умьнеи» (стр. 199); «Мьнози бо приязнию лицемерною вельми известным пакость творять» (стр. 205); «Разумеваи суштных с тобою норовы, да познаеши в истину с любовью служаштных ти или с льстью ласкаюштных» (стр. 204—205).

Пчела подтверждает эти советы авторитетом античных философов. Исократ предваряет наставление «Наказания богатым»: «Друга ищи не мила тебе деюшася, ни по тебе молвяща, но крепкого думцю и полезнаго тебе ищуща и противяшася непоставным твоим словом» (стр. 63). Менандр в нескольких изречениях осуждает тех, кто прикидывается друзьями: «Мужа лукава бегаи и дружбы его не прими» (стр. 6); «Аживу другу не веруи николиже» (стр. 17). Плутарх учит отличать истинных друзей от мнимых: «Мнози мяншася друзи быти, но не суть, а иже не мяншася, — суть. Мудрыи же мужь есть, иже можеть рассудити кождо их»; «Их же любви не тверда, то отгнати их не ленися; преже испытай мужа, любися с ним, люте бо последи отложити» (стр. 60—61). От имени Плутарха приводится предостережение от льстивого друга: «Пес заяцем враг естеством бывает, друг же, лаская, супостат и враг ест» (стр. 122). Лесть осуждает и Епиктет: «Приимаи хотящих тебе наказати, неже ласкающих: они бо полезная тебе ищуть, они же яже тебе воистину пагубная и подобяшася стеном телесным и по твоим хотением с потыканьем вьследуют» (стр. 124—125).¹⁰ Словами Соломона Пчела кратко определяет разницу между поведением друга и льстеца: «Достоина верна друга язва, нежели лобзание врага» (стр. 54). Там же приведено и другое изречение Соломона: «Мужь обличшайа луче есть ласкающаго» (стр. 120). Изречение Феофилакта в Пчеле дает обобщение: «Истиньная хула лучеи есть лицемерньная славы» (стр. 287). Исихия ту же мысль высказывает в форме совета: «Бегай похвалы, срамляй же ся укоризны» (стр. 3).

Итак, первое требование к другу — говорить в глаза правду, поэтому книжные афоризмы в разной форме советуют остерегаться тех, кто «льстит», «ласкает». Народные пословицы, независимо от этих изречений, дают такие же советы: «Не тот тебе друг, кой в глаза льстит, но той тебе друг, кой за очю добра творит» (Паус, стр. 40), «Не люби потаковщика — люби встрешника». Эта пословица особенно прочно закрепила в записях с XVII по XIX в. (см.: Симони, стр. 12; Петр., стр. 32; Татищев, стр. 58; Даль, стр. 662).

¹⁰ В поздней русской редакции Пчелы — «Цветы сельнии» — дан пересказ ряда суждений о дружбе и среди них Сираху приписан такой совет: «Человече, не имей дружбы с человеком льстивым, от единых искры распаляется огонь, тако и от единого лстиваго умножится многое злое дело и кровопролитие бывает» (Пчела Роз., стр. 112).

Афоризмы осуждают не только «льстивых», скрывающих правду друзей, но и вообще «лукавых» людей. Среди изречений Варнавы находим прямой выпад против них: «Рысь пестра извону, а человеци лукавии изнутри» (стр. 14). Характерное и для народных пословиц двучленное построение способствовало тому, что уже в записи конца XVII в. этот афоризм бытовал как пословица: «Рысь сверху пестра, а лукавой человек изнутри» (Симони, стр. 136).

О вредном влиянии клеветников на поведение окружающих много говорят и афоризмы Пчелы, объединенные в разделе «Слово 10 о лжи и о клевете» (стр. 112—119). Выписка из св. Василия как бы подводит итог размышлениям на эту тему: «Трехи лица пакостить клеветник — оклеветаемому, и слышащому и самому себе» (стр. 113). Еще Сирах предупреждал: «Мужь грешен смятеть другы и посреде мирных вложить клевету, и разгориться огнь трескотный» (стр. 113). Ему вторит Златоуст, противопоставляя действие «доброй» и «злой» речи: «Яко же добрая речь и хвала начаток есть любви, тако же и зла речь и клевета начаток есть вражде и ненависти и тьмам злым вина» (стр. 114). Дион римский предостерегает, что «неправедное слово, аще видет в праведных разум, то омраченем гневным не дасть видети истины» (стр. 119). Клевету надо пресекать, иначе «и себе приучиши к эле страсти», предостерегает Максим (стр. 115). Исократ предлагает и другой способ борьбы с клеветниками, приводя следующий пример: «К сему пришедъшу клеветнику и рекъшу: Он сии пред мною сице лаяшет тебе. И отвеща: Аще бы того не сладко слушал, он бы мне не лаял» (стр. 116). Анекдот о Диогене предлагает отвечать на брань насмешкой: «Сеи лаем от некоего плешива и рече: Аз лаянем не въздаю тебе, но хвалю власы главы твоеа, испытавъше главу твою безумную, и отбегоша» (стр. 117). Наглядный пример того, как следует пресекать речь клеветника, дает рассказ об Аристипе, который «от иного лаем, отступаше, заток уши. Оному же рищющу по нем и кличющу: Чему бежиши? Он же рече: Еи же, ты бо власть имаши эле молвити, аз же власть имам ни стояти, ни слышати тебе» (стр. 117). Вникая в психологию клеветника, Филимон подмечает, что нежелание слушать его «лающему есть горьчай смерти» (стр. 118).

Теме дружбы, ее значения во взаимоотношениях людей сборники изречений уделали много внимания.

Высокую оценку дружбы дало библейское изречение Сираха, вошедшее уже в Изборник 1076 г.: «Друг верьн — кров крепък; обретыи же его обрете съкровиште» (стр. 329). Вариант читаем в Пчеле под тем же именем: «Друг верен — кров крепок; обретыи его обрете кров» (стр. 55). В сборнике «Священные параллели» Иоанна Дамаскина повторяется афоризм Сираха: «Друг верен — кров тверд, и обретыи такого обрете богатство» (стр. 2), а рядом вариант, приписанный Григорию Богослову: «Друг верен — град заключен, источник печатлен, отишное пристанище» (стр. 3). Ценить дружбу выше сокровищ учил Менандр: «Несть никое же имение добрее друга» (стр. 13). Одна из византийских редакций Менандра, бытовавшая в русских списках под названием «Разумения единострочные» Григория Богослова, содержала изречение Сираха в переказе: «Несть ни едино стяжание лучше друга» (стр. 409).

В записях XVIII в. пословиц повторяются обе мысли изречения Сираха: «Кто имеет доброго друга, обретает сокровище» (Паус, стр. 44); «Друг верен — кров крепок» (Татищев, стр. 52; Богданов, стр. 78).

Истинная цена друга узнается в беде. Об этом Изборник 1076 г. напоминает библейским изречением Сираха: «Аште сътвориши друга, то

в напастях си и сътвори и и не скоро уверися ему. Есть бо друг в время радости и не пребудеть в день печали твоея . . . И есть друг трапезам обштыник и не пребудеть в днь скърби ти» (стр. 327—328). Под именем того же Сираха Изборник приводит другое, более обобщенное изречение об испытании дружбы: «Огньмь искушено бываете злато, а человеци приятни в веремя съмерения» (стр. 316). То же сравнение использовано в афоризме Менандра: «Злато искушается огнем, любы же дружбежная временем рассужается» (стр. 67—68) или «Явит друга время, яко же злато огонь» (стр. 19). Пчела привела в точном переводе с греческого и афоризм Плутарха, предлагающий другое сопоставление: «Коньная хытрость на рати знаеться а друг верен у беды» (стр. 60). Вариант дает Менандр: «Коньную потребу обличает зльи путь, а друга добромысльнаго напасти рассуждають» (стр. 68). Эти советы испытывать друга повторяются и в более поздних сборниках изречений, иногда в искаженном виде, где «злато» (т. е. корысть) испытывает и дружбу: «Злато другов рассужает якоже огонь злато» («Разумения единострочные», стр. 408).

Русская литература усвоила рано сравнение с испытанием злата огнем: «Злато искушается (вар. съкрушается) огнем, а человек напастьми» (ср. у Сираха: в напастех — стр. 13). Старший отклик этого изречения находим в «Слове» Даниила Заточника: «Злато съкрушается огнем, а человек напастьми» (стр. 13). Повесть о Басарге приводит варианты с другим сопоставлением, идущим от изречения Плутарха: «Конь на рати познавается, а милый друг у беды» (ГБЛ, б. Румянц. собр., № 578); или: «Конь на рати познавается, а верен друг у беды, печали и напасти» (ГПБ, № 1172).¹¹

Записи пословиц конца XVII в. включают основную мысль Сираха: «Друг верен в напастех познавается» (Симони, стр. 95), но с начала XVIII в. закрепляют и вариант сравнения, идущего от Плутарха: «Друг познавается при рати да при беде» (Петр., стр. 26). В сборнике Даля находим пословицы с обоими типами сопоставления: от Сираха — «Золото огнем искушается, а человек напастьми» (стр. 151), где наблюдение распространяется на всех людей, а не только друзей; от Плутарха — «Коня в рати узнаешь, а друга в беде» (стр. 775).

Верность друга — обязательное его качество. Пчела утверждала эту мысль словами Сираха: «Друга верна несть измены и несть меры доброты его» (стр. 55).¹² Первая часть этой сентенции в конце XVII в. была записана как пословица: «Верну другу несть измены» (Симони, стр. 87, 95).

Верность особенно нужна другу в беде, поэтому Менандр наставлял: «Не отбегай друга, в беде суща» (стр. 11); «Своя мни дружняя печали» (стр. 19). А «Разумения единострочные» давали вариант этого наставления: «Не бежи друга, во злых днех лежаща» (стр. 409). Словами Соломона Пчела скептически напоминала: «Мужу в благости сущю — врази его в печали суть, а в убожсье его — друзи его от него разлучатся» (стр. 173). «Священные параллели», ссылаясь на Сираха, учили: «Есть друг в время его и не пребудеть в время печали, причастник трапезе и не пребудет в время скърби». Так представление о «беде», при которой особенно нужен друг, постепенно сливается с мыслями о богатстве и бедности и об отношении к ним «друга». Различными авторитетными име-

¹¹ Памятники старинной русской литературы, изданные Г. Кушелевым-Безбородко вып. II. СПб., 1860, стр. 348, 353.

¹² Это изречение повторяется в «Священных параллелях» Иоанна Дамаскина то от имени Сираха, то со ссылкой на Григория Богословца (стр. 3).

нами афоризмы подкрепляют горькую мысль о том, что в друзья напрашиваются к богатым и «сильным» (властям), а от бедных уходят. Притчи Соломона скептически предупреждали: «Богатство прибавляет много друзей, а бедный оставляется и другом своим» (гл. 19, ст. 4). Пчела осуждает эту тягу к богатым словами Плутарха: «Мнози дружитися изволят с богатыми, а не с лучшими»; «Мнози дружаться с властели и, егда отъиметься власть, то они отскачют» (стр. 60). Аналогичен второму изречению афоризм Епиктета: «При власти многи други обрящеши, а при напасти ни единого» (стр. 69). В более общей форме то же предупреждение дает Мосхион: «Того мни друга, иже тебе любить, а не яже окрест тебе» (стр. 67). Явно учит богатых не доверять друзьям и Менандр: «Богатым суть вси человеци друзи» (стр. 17); «Мнози суть у добра житья друзи, а не у беды» (стр. 15). И еще откровеннее: «Мнози суть обеду друзи, а не дружбе» (стр. 30). Но и бедный, «обогатев», должен беречь старую дружбу: «Блуден есть, иже обогатев, ти забудеть друга», — с осуждением напоминает Менандр (стр. 5). Сочувствием к «убоному» проникнуто и другое его изречение: «Богата вси мнят мудра, убоному же несть друг никто же» (стр. 21). Тонко определяет Пчела словами Сократа, как должен вести себя настоящий друг, когда у его друга «веселье» и когда он в «печали»: «Тыщивому другу достойно на веселье звану прити, а при печали и нуже — самозвану» (стр. 66).

Народные пословицы, независимо от книжных афоризмов, развивают тему дружбы, по-разному проявляющейся по отношению к богатым, благополучным и к бедным, оказавшимся в несчастье. Наиболее близка к изречению Менандра пословица в записи Пауса: «Когда богат, тогда и друзей много» (стр. 41). Но о друзьях, которые в литературных изречениях появляются при «трапезе» (Сирах) или «обеде» (Менандр), пословица говорит по-своему. В записях XVIII в.: «При пиру, при беседе много друзей и братьей» (Петр., стр. 33; вариант у Татищева, стр., 61), а в записи Даля та же мысль приобрела художественно разработанную ритмическую форму: «При пире, при бражке — все дружки, при горе, кручине — нет никого»; «Как при пире, при беседе — много друзей, как при горе, при кручине — нет никого» (стр. 777). В обобщенной форме осуждается дружба ради какой-либо выгоды старинной пословицей: «При корыстех познавается друг» (Симони, стр. 131).

Высоко ценя дружбу бескорыстную и не льстивую, Пчела афоризмом Сократа предостерегала: «Всем угодити — люто есть» (стр. 65). Пословица независимо от этого изречения советовала: «На всех угодить — себя истомить» (Даль, стр. 136).

Тяжесть разлуки с другом по-своему изображают и книжный афоризм Златоуста в Пчеле — «Не тако огонь жьжет тело, яко же душу разлученье от друга» (стр. 56), — и пословица: «Встретил с радостию, а проводил с жалостию» (Даль, стр. 177).

От изречений «знаменитых мужей древности» и библейских книг повторялась мысль о предпочтении старого друга новому. Пчела выразила эту мысль словами Плутарха: «Все новое лучши — и съсуды и порты, а дружба ветхая» (стр. 60).¹³ Там же приведен совет Сираха: «Не остави друга древняго, новый бо не будет ему подобен» (стр. 55). С этим советом русский читатель познакомился уже по выборкам из Сираха в Изборнике 1076 г.: «Не оставляи старааго друга, новии бо несть

¹³ Точное соответствие этому тексту находим в сборнике XV в. греческих пословиц, составленном Михаилом Апостоляем, включившим в него изречения знаменитых мужей древности (см.: Тимошенко).

точьн ему» (стр. 373). В «Священных параллелях» под именем Сираха дан вариант этой мысли о преимуществе старого друга: «Не изменяя друга, ни оставляя друга прьвааго» (стр. 2). В Повести об Акире в совет включена новая мотивировка: «Перваго друга не отганяй. . . да и новый не отбегнуть от тебе» (стр. 73).

Устные пословицы по-своему выражают ту же мысль об особой ценности старой дружбы: «Старой друг лутче семерых молодых» (Симони, стр. 142); «Старой друг лутче новых двух» (Петр., стр. 35); «Нового друга желай, а старого не избывай»; «Новых друзей наживай, а старых не теряй» (Даль, стр. 296); «Новый друг, что неуставный плуг»; «Молодой дружок, что вешний ледок» (Даль, стр. 740).

Жизнь с окружающими в дружбе или хотя бы в мире, без «котор» — ссор, дороже богатства, изобилия. Об этом Пчела напоминала словами притч Соломона: «Луче пища с зельем с любовью и благодатью, нежели предложен телець со враждою» (стр. 54) и «Уне хлеб с сладостью в мире, нежели дом, исполнен многим добром, рать имея» (стр. 411). Варианты этого изречения под заглавием «От приточь» вошли в «Священные параллели»: «Уне хлеб с сладостию и с миром, нежели вся вселеная, исполнена благих, с которою» (стр. 8); «Уне хлеб в сласть с солию, неже дом, многих благ исполнен, с которою» (стр. 16); «Уне есть гостити друга зелием с любовью, неже юнце с враждою» (стр. 16). Пчела приводит и афоризм Златоуста: «Луче хлеб с солью в молчаньи и бес печали, нежели предложение — брашном многоценным с мятежем и с ужасом» (стр. 139).¹⁴

Даниил Заточник в аналогичной «мирской притче», построенной в форме «лучше—нежели», вместо мира—ссоры противопоставляет «волю»—«работу» (рабство или двор князя и боярский): «Лучше бы ми вода пити в дому твоём, нежели мед пити в боярстем дворе»; «Лучше бы ми воробей испечен приимати от руки твоеи, нежели боранье плечо от государей злых» (редакция XIII в., стр. 61). В переделке этой редакции по спискам XVI и XVII вв. иное противопоставление: «Лучше вода пити на своей воли, неже мед в работе» (стр. 105).

В устных пословицах мысль о предпочтении бедности с дружбой богатству с враждой получила независимое от книжного источника выражение: «У друга пить воду лутче неприятелска меду» (Симони, стр. 145; Татищев, стр. 63); вариант: «Луче вода пить в радости, нежели мед в кручине» (Симони, стр. 184). «Где был? — У друга. — Что пил? — Воду да лутче неприятельского меду» (Петр., стр. 25; Татищев, стр. 50). Даль дает варианты того же образа: «У друга пить воду лучше неприятельского меду»; «Был я у друга, пил я воду слаще меду»; «Пьешь у друга воду слаще меду» (стр. 774).

* * *

Если тема дружбы решается в афоризмах в плане высокой этической требовательности, то вопрос о том, как вообще вести себя человеку среди окружающих, переносится иногда в область узко практических советов.

Повесть об Акире Премудром дает совет, с которым потом мы встретимся в пословицах: «Не буди сладок без меры, егда когда пожруть тя; не буди без меры горек, да не отбежить от тебе друг твои» (стр. 27). В пословицах этот совет принимает более обобщенный вид, относится

¹⁴ Ср. мораль к басне Эзопа «Сосна и терновник»: «Лучше безопасная бедность, чем богатство с горестями и тревогами» (Басни Эзопа, стр. 138).

не к «другу», а ко всем людям. В записи конца XVII в. читаем: «Горку быть — выплюнут, а сладку быть — проглотят»; «Сладку быть — проглотят, а горку быть — розплюют (вар. розкусят, укусят)» (Симони, стр. 91, 209). У Даля: «Горьким быть — расплюют, сладким — проглонут», «Горького проклянут, а сладкого проглотят» (стр. 128). Вариант раздумий о том, как жить среди людей, чтобы сберечь себя, в записи конца XVII в.: «Жить тихо — от людей лихо, жить моторно — от людей укорно» (Симони, стр. 102; Паус, стр. 44). В сборнике б. Петровской галереи краткий вариант: «Жить тихо — да от людей лихо» (Петр., стр. 28).

Афоризмы учительной литературы предостерегали от всех проявлений себялюбия, осуждали тех, кто вредит людям, радуется чужому горю.

Уже в Псалтыри русский читатель нашел предупреждение-угрозу: «Ров издры и ископа и впадется в яму, юже сътвори» (псалом 7; в более поздних текстах вторая часть дана иначе: «... да сам же в него впал») (Амфилохий I, стр. 31). В псалме 56 повторяется та же мысль в несколько ином тексте: «Ископаша пред лицом моим яму и впадошася в ню» (Амфилохий I, стр. 378). Пчела повторяет в близкой передаче текст Псалтыри: «Копай яму под ближним своим впадется в ню» (стр. 47).¹⁵ В Повести об Акире: «Иже добро творить, тому добро будет, а иже яму копаеть под другом, да сам в ню впадетъ» (стр. 233).

Пословица, усвоив это изречение, придала ему форму прямого обращения-совета: «Не копай под другом ямку — сам ввалишься» (Симони, стр. 124); «Не копай под другом ямы — сам ввалишься» (Петр., стр. 30); «Не рой для друга ямы — сам ввалишься» (Татищев, стр. 58). Даль приводит эту пословицу и в форме, относящей совет к «другу»: «Не рой для друга...», и ближе к книжному варианту, где речь шла о всех «ближних»: «Не рой под людьми яму — сам ввалишься» (стр. 194).

Афоризмы осуждают злорадство. Менандр предупреждает: «Не радуися, ины видя в беде» (стр. 13). Наиболее близко к обобщенному смыслу изречения Менандра передает его совет пословица в записи Даля: «Не добро есть о пагубе человеческой веселитися» (стр. 672). Старые записи ограничивают совет отношением к беде друга: «Безумен рад, видя друга при напасти» (Симони, стр. 174; Петр., стр. 34).

Менандр отметил в афоризме и другую сторону отношения к чужому горю: «Легчесть есть утешати, негли самому стражащю терпети» (стр. 15). Пословица независимо от книжного источника подметила ту же разницу: «Жаль тебя, да не как себя» (Симони, стр. 101; Татищев, стр. 52); «Жаль друга, да не как брата, как и брата, да не как себя» (Симони, стр. 102). Даль записал другие пословицы на ту же тему: «Чужое горе полусилою горевать»; «Свое горе — велик желвак, чужая болячка — почесушка» (стр. 155).

Общий характер отношения человека к окружающим книжные афоризмы, начиная с библейских книг, определяли требованием не делать другим того, чего не хочешь для себя. Уже в Изборнике 1076 г. содержался совет Сираха: «Ни другу того сътвори, еже ти себе не хочещи» (стр. 338). Одна из поздних редакций Пчелы, без указания источника, привела это изречение в таком варианте: «Еже ти собе не любо, того и другу не твори, да спасешися» (Пчела Роз., стр. 36). За исключением слов «да спасешися», здесь повторен тот вариант изречения Сираха, ко-

¹⁵ В Пчеле такое же предостережение от имени Соломона дается в иных образах: «Иже строить противу лицу друга своего тенето, то сам своею ногою увязнеть в нем» (стр. 54) или «Валяя же камень на друга на себе повалить» (см.: Притчи Соломона, гл. 26, стр. 27). Ср. нравоучение к басне Эзопа «Лев, волк и лиса»: «Кто строит козни против другого, тот сам себе готовит западню» (Басни Эзопа, стр. 142).

торый поместил в свою заключительную запись Иоанн дьяк, писец Изборника Святослава 1073 г.: «А коньць всемъ книгамъ. Оже ти собе не любо, то того и другу не твори» (л. 263 об.).¹⁶ Вариант этой мысли содержится в евангельском наставлении Христа: «Вся убо, елика аще хоцете, да творят вам человецы, тако и вы творите им» (Матфея, гл. 7, ст. 12).

В пословицах есть близкие варианты этого совета: «Чево сам не любишь, и людем не желай» (Петр., стр. 38); «Чего себе не хочешь, того другим не делай» (Татищев, стр. 64); «Чего сам не хочешь, того и людем не желай» (Богданов, стр. 116); «Чего сам не любишь, того и другому не чини (вар. не желай)» (Даль, стр. 156).

Христианская мораль не только требовала настоятельно от человека не делать другим того, что нехорошо для него самого, но и широко развила учение о «милостыне». В условиях феодального строя, узаконившего разделение на богатых и бедных, афоризмы на тему об обязанности помогать ближнему не могли не привлекать к себе внимание читателей. Религиозная оценка милостыни как средства спасения, выраженная в Изборнике 1076 г. сентенцией «Огнь поляшть вода угасить, а милостыня оцестить грехы» (стр. 417), в Пчеле повторена от имени Сираха (стр. 73).

Однако не этому узко религиозному истолкованию милостыни, а другому, библейскому, изречению, основанному на житейском, «земном», значении ее, суждено было прожить многие века, варьируясь и в литературном применении, и в устной речи. В том же Изборнике 1076 г. рядом с определением милостыни как средства искупления грехов читаем и другое изречение Сираха: «Красьна есть милостыни в время скърби, яко же и облаци дъждевнии в время ведра» (стр. 352—353). В Пчеле этот текст под именем Сираха дан в ином изложении: «Творяи милостыню в время печали, яко и облак дождевный во время бездожья» (стр. 74). В поздней выборке «Изо Пчелы словеса избранная» (XVII в.) оба изречения Сираха слиты в одну сентенцию: «Яко вода гасит огонь, яко оружие во время рати, тако мужу милостыня во время скорби» (стр. 125).

Мысль о помощи вовремя напоминает и изречением Демокрита — «Малая благодать велику пользу створить во время напасти» (стр. 90), и афоризмом Менандра — «Сладько есть благодеть прияти во время» (стр. 17).

Есть основание полагать, что именно второе изречение Сираха послужило источником пословицы, которая в записях XVII и XVIII вв. сохранилась в одной форме: «Честна милостыня во время скудости» (Симони, стр. 154; Петр., стр. 38). Татищев (стр. 52) и Даль приводят эту пословицу в двух вариантах: «Дорога (вар. честна) милостыня во время скудости» (стр. 643).¹⁷

Размышляя о милостыне, Сирах предостерегает: «Не буди рука твоя простърта на възятие, а на даianie съгъбена» (Изборник 1076 г., стр. 323; ср.: Пчела, стр. 207). Именно этим образом воспользовался Даниил Заточник, взывая к щедрости князя: «Да не будет рука твоя согбена на подание убогих (вар. убогим)» (стр. 15—16). Самая мысль — лучше давать, чем брать, — в Пчеле напоминает и другим изречением Сираха, более обобщенным: «Добро творити луче възяться и милостыни чьстнейши приобретенья» (Пчела, стр. 75). Менандр придает форму упрека этой мысли: «На възятие всегда взираеши, а подати не хоцeши» (стр. 6).

¹⁶ Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 года (фотолитография). Спб., ОЛДП, 1880.

¹⁷ В романе А. Ф. Писемского «Тысяча душ» почтмейстер этой пословицей выражает упрек Калиновичу, отказавшему в просьбе вовремя прислать ему книги: «Дорога, сударь, милостыня в минуту скудости».

В пословицах встречаем аналогичное противопоставление: «Лучше дать, нежели взять»; «Дай бог подать, не дай бог просить» (Даль, стр. 647). Однако в пословицах «взять», «просить» понимается как необходимость брать в долг или в помощь, но не «приобретать», как в книжных изречениях.

Наставляя оказывать помощь ближним, притом вовремя, афоризмы учили дающего и принимающего эту помощь: «Благодать прием — помни, а створи — забуди» (Менандр, стр. 17); «Иже что кому въдасть, достоить забыти въданое, вземше же достоить всегда помнети» (Пчела, стр. 93—94). Устная пословица сохраняет совет лишь дающему: «Сделав добро, не помни» (Даль, стр. 139), но упрек забывающему о том, что ему помогли, выражает иначе, чем книжный афоризм: «Хорошо тому добро делать, кто помнит» (Даль, стр. 134). Религиозное осмысление «милостыни» отражает другая пословица: «Кто добро творит, тому бог отплатит» (Даль, стр. 127). Здесь стирается представление о бескорыстной помощи — «не помни».

Один из видов помощи — защита «обидимаго». В Изборнике 1076 г. приводится совет-наставление Сираха: «В кротости изьми обидимаго изд руки обидяштяго» (стр. 419). Пчела о том же напоминает изречением Филона: «Мужь правдив есть не иже не обидити, но иже обидети мога, то не въсхошеть» (стр. 52). В записи пословиц конца XVII в. «милостыня» и «обида» соотносятся так: «Не тот милостив, кто много милостыни дает: тот милостив, кто никого не обидит» (Симони, стр. 127). Записанные Далем пословицы осуждают обидчика, предупреждая о божьем суде: «Обидящим бог судья»; «Суди бог того, кто обидит кого»; «Кто кого обидит, того бог ненавидит», — или обещают обидчику наказание еще на земле: «Обижена слеза не канет на землю, а все на человеческую голову»; «Бедного обижать — себе добра не желать (вар. себе гибели искать)» (стр. 154, 155).

Размышляя о взаимоотношениях людей, афоризмы сурово осуждают зависть, злобу, злопамятство, месть. Уже в разных статьях Изборника 1076 г. читатели нашли изречения и советы на эту тему: «Завидливу себе несть злеиша» (стр. 351); «Чьто же льгчае — брату не завидети» (стр. 449) — и совет: «Ничьсо же с завистью творити» (стр. 471). Пчела приводит обширное рассуждение Злагоуста о зависти, в котором отдельные мысли приобрели форму афоризмов: «Несть злобы пуше зависти»; «Ничто же тако разлучает друга от друга, яко же зависть»; «Завидливый же тогда веселиться, егда друга в напасти видить» (стр. 330). Злоба прочно держится в человеке, утверждает Сирах: «Ашто и добре сьтворить, то забывся творить и на последък изнесеть злобу свою» (Изборник 1076 г., стр. 351). Поэтому Пчела приводит изречение Питакона: «Прощенье есть лучше мщенья: ово бо кроткаго естества речеться, ово же зверинаго» (стр. 84). Там же злоба осуждается словами Тимонакса: «Люто есть в инех възлюбити добродетель, а в себе имети злобу» (стр. 11).

Пословицы конца XVII в. также осуждают зависть, повторяя и религиозную оценку этого порока: «Завидлив, обидлив не внидут в раи» (Симони, стр. 129). Но и без этой мотивировки зависть вредна самому человеку: «Зависть имеия часто въздыхает» (Симони, стр. 105). Унизительное сравнение в поговорке подтверждает осуждение завистливого: «Завидливый, что пес; обидливый, что бес» (там же). У Даля собрано большое число самых разнообразных пословиц и поговорок, осуждающих зависть, хотя прямо и не связанных с книжными изречениями на эту тему: «Злой плачет от зависти, а добрый от жалости (вар. радости)»;

«Завистливый по чужому счастью сохнет (вар. чахнет)»; «Завидуши глаза не знают стыда»; «Завистью ничего не возьмешь» и т. д. (стр. 672—676).

Богатство, если оно не связано с неправдой и не переходит в жадность («несытость») и скупость, требует, чтобы человек был умерен в своих желаниях и жил правдой. Изборник 1076 г. учит словами Златоуста: «Не ть есть богат, мьного имея, но ть, иже мьнога не требуют. Ни убог есть ть, иже мьнога не имать, нъ ть, иже мьногих хочеть» (стр. 437). Псалтырь напоминала: «Луче малое праведнику паче богатства грешных многа»; «Уне малое праведнаго, а нежели богатства много нечестивых» (псалом 36 — Амфилохий I, стр. 230). Пчела делала выписку из Ниского: «Луче есть мало имети с добрым, нежели много с злым» (стр. 129). «Священные параллели» выписывают «от приточь»: «Уне есть мал недостаток съ правдою, неже многа жита с неправдою» (стр. 16). Пчела приводит рассуждения об этом разных авторов, в том числе и античных: Плутарх — «Ни пир без беседы бывает, ни богатство без ума, ни без добродетели твердо бывает»; «Ни от мертвеца беседы слышати, ни от сребролюбца благи просити» (стр. 130); Мусоний — «То есть токмо богат, иже възможе мудр быти и стяжати потребная, а излише не ищеть» (стр. 136); Демокрит — «Не богатый блажен, но иже богатства не требует» (стр. 131).

Так, само понятие о богатом подводит к афоризмам о «несытом», осуждающим жадность, которая делает людей «немилостивыми» к ближним. Пословица кратко выражает ту же мысль: «Правда дороже золота»; «Деньги смогут много, а правда — все» (Даль, стр. 195). Вариантов пословиц о силе правды Даль собрал много (стр. 195—199).

Христианское учение о том, что богатство дается человеку временно, обязывало его делиться с каждым нуждающимся, даже независимо от того, достоин ли он по своим нравственным качествам помощи. Отсюда вытекала крайне суровая оценка учительной литературой всех проявлений скупости, жадности, сребролюбия, притом не в абстрактном понимании этих свойств, а в конкретном проявлении их в «нраве» и поведении человека, одержимого этими страстями. «Слово Ивана Златоустаго яко нелепо есть нынешними пецися, но паче вечными» (Измарагд) так изображает сребролюбие: «лютый сей недуг» поражает и «убогого», и «богатого»; первый «не от имени, но от глада казнь приемлет, имени бо не хочет ся насытити николи же пропаснаго, но утробу свою мучит гладом и тело наготою, и зимою жметя, паче связанных стражет». Богатый сребролюбец также «паче темничнаго стражет, не имением, но изволением несытства, иже присно болше хотят, николи же остатися могут злыя тоя похоти». «Несть скупый стяжанию своему господин, но страж есть и приставник и раб». Душа сребролюбца «тлеет, зрящи блистания златнаго» (Измарагд, слово 19). Поучение о милостыни Иоанна Златоуста укоряет скупого, угрожая: «Тело ти изсушит несытость имения . . . Яко бо море не наполнится, многи реки приемля, тако и ум человек несыт есть, многа имения собирая».¹⁸ Другое «слово» того же автора «о берущих многа имения» предупреждает, что скупой сребролюбец так и умрет, не получив радости от своего богатства, а воспользуются им и растратят его «иные»: «Тому (сребролюбцу, — В. А.-П.) токмо мятежь и скорбь, а инем богатство и слава дому его; той бо алчет, а инии добра его насыщаются; тому проклятие, а инии негуются во имении его; тому стожание, а инии имением его чтятся. . .». Наконец, проповедник напоминает,

¹⁸ Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, вып. 3, стр. 70.

какой ценой собрал сребролюбец свое богатство: «... иному имене исхити, а ин другому землю отняв, ин же на ближняго в сердца злая мыслит, а инии предела для земнаго бьются и тяжутся ... имея много, помышляет на отняtie, величается и гордится, упивается и которается со многими, лжами возносится, истинны не любят».¹⁹

«Слово» подробно описывает преступные дела сребролюбца, «лжей и клеветой» отнимающего для себя имущество «должных», которые «печалию увядают». «Слово о лихоимании и пьянстве» также подчеркивает, что лихоимец, любой ценой отнимающий у неимущего, «глух и не слышит вопля нищих скупостию».²⁰ Экклезиаст и Сирах названы в «Цветах сельних» источниками изречения на ту же тему: «Не насыщено есть око сребролюбивых, яко же море, многие реки приемля, не наполнится. и не имеет сыти, день от дни собирает» (стр. 111—112). Сирах предупреждает, что такой богатый не живет спокойно: «Мнози бо хвалятся мужи богатства ради, а живучи в богатстве — боятися нищеты» (там же, стр. 112). «Словеса избранные», выборки из Пчелы (XVII в.), кратко повторяют образное сравнение жадного с морем: «Яко же не наполнится море, многих рек принимая, тако и очи человеческия» (Пчела Роз., стр. 125). И потому Менандр решительно утверждает: «Велико зло есть в человеце несытство» (стр. 19) и иронически замечает: «Вси хошем богатети, да не можем» (стр. 6); «Луче по суху нищю ходити, нежели по воде богатети» (стр. 9). Осуждает скупость и изречение Варнавы: «Скупаго дом аки ноць облачна, крьючи солнечный свет от очию многых» (стр. 13). Итак, богатство не всем на пользу, и Пчела напоминает изречение Клитарха: «Имения многа детем безумным не пользуют» (стр. 133).

Пословицы также ценят не всякое богатство, и к жадности, скупости во всех их проявлениях относятся с явным осуждением, по-своему выражая мысль афоризмов Демокрита и Златоуста: «Не тем богат, что есть, а тем богат, чем рад» (Даль, стр. 107).

Поскольку христианская этика учила, что богатство дается человеку богом для того, чтобы он делился им с бедными (ср. в пословице: «Богатым злато — нищих ради» — Симони, стр. 78), а в жизни отношения между богатыми и бедными были далеки от этого принципа, афоризмы, как и поучения, часто обращаются к этой теме. «Вопль нищих» («Слово о лихоимании и пьянстве» в Измарагде) редко слышали богатые, и потому Сирах с горечью наставлял: «С креплеишим себе и с богатеишим не приобштыя ся. Кое бо приобштение гърньцю с котльомь — ть бо приразиться и съкрушиться» (стр. 401—402). В близкой, но более общей форме под именем Сираха Пчела повторяет это изречение: «Крепльшему себе не прикасайся: кое бо причашение горньцю к котлу — сам же прикоснеться, сам же скрушиться» (стр. 40). Поздний сборник «Цветы сельнии» распространил афоризм Сираха, удержав сравнение: «Кое складение горньцю с котлом: ударятя и поразятя. Тако и убогому з богатым кое вожение, лише срамочение и посмех. Богатый о беде разгневаеця и хочет иженути убогаго» (стр. 114).

Пословица сохранила лишь образ, допускающий самое широкое толкование: «Горшок чугуну (вар. котлу) не товарищ» (Даль, стр. 773).

Среди многочисленных пословиц о выгодах богатства немало и таких, которые подобно книжным афоризмам, хотя и независимо от них, гово-

¹⁹ Там же, стр. 88—89.

²⁰ В. А. Яковлев. К литературной истории древнерусских сборников. Одесса, 1893, стр. 73.

рят о том, что богатство часто бывает добыто «неправдой», «злом». Иногда такие пословицы звучат категорично: «В аду не быть — богатства не нажить»; «Пусти душу в ад — будешь богат»; «Грехов много, да и денег вволю». Богатство и скупость в пословицах часто неразделимы: «Богатый никого не помнит — только себя помнит»; «И двери богатых стыдятся нищих» (Даль, стр. 84, 85) и т. д.

Афоризмы отмечали, что даже закон по-разному относится к богатому и убогому. Пчела цитирует изречение-рассуждение Залевка: «Закон подобен есть паучине: яко же бо паучина, аже в ню вьлетитъ муха или комар, то увязнетъ в неи; аще ли бчела или шершень, то исторгавше вылетаютъ. Тако же и закон: аще вьпадетъ убог и простыи мужь, то увязнетъ в нем; аще ли богат или сильный, то, речью исторгавше, отидеть» (стр. 351). Смысл этого рассуждения кратко передает пословица: «Закон, что паутина: шмель проскочит, а муха увязнет» (Даль, стр. 245). Вот почему Изборник 1076 г. словами Сираха советует не спорить, не бороться с «сильным», т. е. и богатым, и особенно с судьей: «Не свари ся с чело-векъмь сильнъмь, еда како вьпадеши в руже его»; «Не тишти ся с чело-векъмь сильнъмь, еда како отягъчить ти меру»; «Не свари ся с судиею, по преже бо судять ему» (стр. 343—344, 347). Вариант этих изречений Сираха читаем в сборнике XV в. (ГПБ F. I, № 4, л. 109): «Не бранис с человеком сильным, бои ся, абы не упал в руже его; не сварися с мужем богатым, абы не накупил на тебе суду» (жизнь, видимо, подсказала и такие случаи). В позднем тексте Пчелы кратко: «Убог сии не противися богатому» (Пчела Роз., стр. 56).²¹

«Слово о мирских притчах и о бытйских вѣсех» (переделка «Слова» Даниила Заточника — по списку XVII в.), варьируя эти советы Сираха, замечает: «Не дай же, господи, с богатым тягаться, а с сильным противитися» («Слово» Даниила Заточника, стр. 45). В XVIII в. не раз записывалась сходная по смыслу пословица: «С сильным не борись, а з богатым не тяжись» (Петр., стр. 34; Татищев, стр. 62; Богданов, стр. 111). Паус записал, видимо в пересказе, ту же пословицу: «Бедной не тягается с богатым» (стр. 42). У Богданова шуточный вариант: «Борис, не со всяким борись» (стр. 68). Даль повторяет старую пословицу и приводит ее вариант: «Не силен — не борись, не богат — не сердись» (стр. 830).

Афоризмы настойчиво напоминают о том, что в жизни вообще одни и те же поступки по-разному оцениваются в поведении богатого и бедного. Горькой иронией звучат слова Сираха, приведенные в Изборнике 1076 г.: «Богату съблазнившуся мнози заступници и глаголы неиздреченными оправдять и. Убогыи же съблазни ся и припретиша ему и извешта разум и не даша ему места»; «Богатыи възглагола и вси умълкоша и слово его възнесоша до облак. Убогыи же възглагола и вси рекоша: чьто съ есть? И аште потъкнетъ ся, въздринуть и» (стр. 348—350).

На Сираха ссылается и Пчела, более кратко излагая мысль об особом отношении к богатому: «Богату съгрешивъшю, мнози помощници обретошася ему и изорчение глагол его оправдиша»; «Богатыи възглаголетъ и вси умолкоша и слово его възвысиша до облак» (стр. 127). Даниил Заточник сохраняет, хоть и короче, чем Изборник, противопоставление «богатый—убогий»: «... богат мужь везде знаем есть и на чю-

²¹ В средневековом латинском тексте басни Эзопа «Козел и волк» нравоучение гласит: «Учит эта басня людей бессильных и нищих не восставать на тех, у кого и сила и власть» (Басни Эзопа, стр. 219).

жеи стране друзи держать, а убог во своеи ненавидим ходить.²² Богат възглаголеть — вси молчат и вознесут слово его до облак, а убогии възглаголеть — вси нань кликнуть. Их же ризы светлы, тех речь честна».

В старших записях пословиц особое отношение к богатому выражено явно осудительно: «Богата, хоть дурака, всяк почитает»; «Богату, хотя глупу, всяк дает место» (Симони, стр. 81). Так и в записи Даля, аналогично изречению Сираха, звучит насмешка над оценкой речей богатого: «Коли богатый заговорит, так есть кому послушать»; «Богатый хоть врет, и то впрок идет»; «Тот и умен, кто богато наряжен» (стр. 81—83).

Народные пословицы, слагавшиеся в условиях классового общества, разнообразно представляют разницу в положении богатого и бедного и в отношении к ним. Противопоставление судьбы богатого и бедного в старших записях пословиц построено на иных образах: «Богат ищет места, а убог смотрит теста»; «Богат мыслит о злате, а убог о блате»; «Богат шол в пир, а убог брел в мир»; «Богатому пакость, а убогому радость» (Симони, стр. 80, 175). Иначе звучит такое противопоставление в записях Татищева: «Богатой сахар зоблет, и убогий не камень гложет» (стр. 47). В сборнике 1741 г. Богданова противопоставление ближе к книжному афоризму, подчеркивающему разницу в отношении к речам богатого и убогого: «Богатого слово — в евангелие кладут, а убогого — и в азбуку не годится» (стр. 66), и там же: «Богатый носит, что хочет, а убогий — что может».

В сборнике Даля содержится большое число проникнутых горькой иронией пословиц на эти темы, отражающих тяжелое положение неимущих: «Богатый ума купит, убогий и свой бы продал, да не берут», «Богатого ложка ковшом, убогого ложка веселком», «У кого колос, у того и голос», «На богатого ворота настежь, на убогого запор», «Богатый пузает, бедный тощает» (стр. 82); «Бедность плачет, богатство скачет», «За ватагу нищих одного богача не выменяешь» (стр. 83); «Убогий бога боится и богача боится, а богатый никого не боится (вар. до поры никого...» (стр. 84); «Богатому как хочется, а бедному — как можется», «Счастье бедному — алтын, богатому — миллион» (стр. 95); «Богатый и в будни пирует, бедный и в праздник горюет», «Богатый в пир, убогий в мир» (стр. 97); «Богатому жаль корабля, убогому — кошеля (вар. костыля)», «У богатого сто рублей лежит, а у бедного остальной бежит». «В драке богатый лицо бережет, а убогий — кафтан», «На убогом дерн одежду, у богатого рожу» (стр. 99); «Богатый ест, как захочется, убогий — как доведется» (стр. 103).

* * *

Значительный раздел афоризмов посвящен качествам «властелина» и «судьи», требованиям к ним и наблюдениям над нарушениями ими «правды».

К наделенным властью Изборник 1076 г. обращается с основным требованием: «Тьгда наречеться кьто убо истиньный властелин, егда сам собою обладает и нелепым похотьм не работаеть» (стр. 202). Пчела от имени Демокрита выдвигает то же требование: «Иже хощет над инем княжити, да учится первие сам собою владети» (стр. 103). Словами Соломона Пчела иначе учит искусству властвовать: «Владей, преже учивься

²² Ср. в записи Даля: «Богатого и в чуже знают, убогий и в своих невидим» (стр. 98).

под властью быти: учивься тому, и в власти будещи хытр» (стр. 105). Авторитетом Платона Пчела подтверждает: «Велику власть принимающему велик подобает ум имети» (стр. 104), поэтому, по словам Демокрита, «люто беснующемуся дати ножь остр и лукавому власть и силу» (стр. 112). Оба эти требования предъявляет не только к «властям», независимо от литературного воздействия, устная поговорка: «Кто сам собою не управит, тот и других не наставит»; «Не управишь собою, не управишь и другим» (Даль, стр. 125). Прямо к властию наделенным обращено пословицей требование, выдвинутое и афоризмом Платона: «В болшем месте сидеть — много ума надобно» (Симони, стр. 177).

Размышляя об отношении власти к подчиненным, Пчела напоминает слова Аристотеля: «Иже многим страшен, то многих имать бояться» (стр. 106) — и более развернутый совет Плутарха: «Тако въсхоци жити, да ни боле тебе могущи быша тебе обидели, но ни ты будещи страшен меньшим своим» (стр. 9). О соблюдении «правды» Пчела напоминает изречением Платона: «Честен есть, иже ничтоже неправды творить; честней же есть сугубь, иже дерзновенья никоего же не дасть неправду деющим» (стр. 50). Так расширяется ответственность «властелина» не только за свое личное поведение, но и за всех «неправду деющих». Демокрит советует стремиться заслужить любовь подчиненных: «Любим въсхоци быти при житьи, нежели страшен: его же бо вси бояться, и ть въсех боиться» (стр. 103). О том же напоминает Исократ: «Не ревнуи велику власть прискавъшему, но добре с похвалою отшедъшему» (стр. 107).

Все эти афоризмы античных авторов перекликаются с наставлениями учительной христианской литературы, отразившими наблюдения над тем, как власть часто изменяет человека. «Власть бо очи смысленных ослепляет», и потому «Велик человек есть пред богом, иже во власти не изменится».²³

Пословицы не дают прямо таких советов властям, но высокая оценка ума — «Глупый осудит, а умный разсудит», «Глупый ищет большого места, а умного и в углу знать» (Даль, стр. 434) — показывает, что ум есть необходимое качество для того, чтобы «по правде» властвовать. Однако многочисленные пословицы с горечью напоминают, что богатство в жизни сильнее ума. «С богатством ум приходит» (стр. 442), т. е. богатого сочтут умным. Не кичиться умом, даже если ты наделен властью, косвенно советуют поговорки: «С умом носу не подынешь», «Умной спеси не бывает» (стр. 445). Зато «правда», справедливость, обязательна для всех: «Не ищи правды в других, коли ее в тебе нет» (стр. 199). Но пословицы чаще говорят о том, что в жизни «неправда» одолевает «правду»: «Хороша святая правда, да в люди не годится», «Изжил век, а все правды нет» (стр. 201).

Из общих размышлений о качествах всякого властелина выделяется группа афоризмов, посвященных «судиям». В условиях феодального строя древнерусский читатель, постоянно сталкивавшийся с «неправедным», пристрастным судом, сам слагавший острые критические пословицы, поговорки и целые рассказы о Шемякином суде, не мог не отнестись с особым вниманием к литературным рассуждениям на эту тему.

Евангельский текст призывал судить всех одинаково: «... не зриши бо на лице человеком» (Матфея, гл. 22, ст. 16); «Не судите на лица, но праведный суд судите» (Иоанна, гл. 7, ст. 24). Евангелие Луки осудило судью, который «бога не бояся и человек не срамляся» (гл. 18, ст. 2). Последнее выражение закрепилось в устной поговорке: «Ни бога не

²³ Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, вып. 3, стр. 83.

«боится, ни людей не стыдится» (Даль, стр. 308). Совет же Евангелия Матфея «не зриши бо на лице» сохранился в литературном языке в выражении решать дело, «не взирая на лица».

Беспристрастного суда требует «Наказание богатым» в Изборнике 1076 г.: «Не оправьдаи неправеднааго, аште и друг ти есть; ти обидить правьднааго, аште и враг ти есть» (стр. 203—204). В Пчеле афоризм Мосхиона как бы продолжает разъяснять эту мысль: «Уне есть, по праву судивше, от осуженаго поношену быти бес правды, нежели, неправо судивше, ествием по правде поношену быти» (стр. 51).

Пословица повторяет смысл изречения Изборника, однако относит требование справедливости не только к судьям: «Другу дружи, а недруга не губи (вар. и другому не вреди)», «Другу не дружить, недругу не мстить, чтоб души не сгубить» (Даль, стр. 191).

Афоризмы давно отметили, что неправедный суд чаще всего решает дело в пользу того, кто дал «мзду» — взятку. Изречение Сираха — «Мьзда и дарове ослепляют очи мудрых, да видяштей не видят» — читаем уже в Изборнике 1076 г. (стр. 362—363). В сборнике «Цветы сельнии» от имени Соломона это наблюдение отнесено к судьям: «Мзда ослепляет очи судящих и видящих неправду» (стр. 106). Это изречение повторяется кратко в Повести об Акире: «Мзда очи ослепляет судиям» (стр. 559).²⁴

Афоризм Варнавы ту же мысль выражает несколько иначе, в более близкой к быту форме: «Тогда суд убогим нравится, егда судия убогим не богатиться» (стр. 13). В одной из русских обработок Пчелы находим вариант этого изречения: «И тогда суд праведен бывает убогим, егда судия не по мзде судит, то в правду помогает, но и в правду судя сиротам и вдовицам» (Пчела Роз., стр. 39).

В наиболее близкой к афоризму Сираха форме передают этот совет записи XVII—XVIII вв.: «Мзда и премудру мужу ослепляет очи» (Симони, стр. 120); «Мзда и мудрых ослепляет очи» (Богданов, стр. 95). Записи Татищева напоминают, что в изречении Изборника назывались и «дарове», и «мзда»: «Дары и мудрых ослепляют», «Мзда и мудрых ослепляет» (стр. 56). Первую из этих пословиц о «дарах» приводит и Даль (стр. 174). Применение к «судиям» изречения о силе мзды нашло отражение в пословицах: «Мздою, что уздою, обратишь судью в твою волю» (Симони, стр. 120). В записях Даля (стр. 172—175) смысл этого изречения сохраняется в самых разнообразных по форме пословицах: «Судью подаришь — правду победишь»; «Дари судью — так не посадит в тюрьму»; «Скорее дело вершишь, коли судью подаришь»; «Порожними руками с судьей не сговоришь», и т. п.

Размышлениям о власти имущих в Пчеле как бы подводится итог афоризмом, сообщаемым от имени Златоуста: «Не место добродетели, но добродетель место может украсить» (стр. 3).²⁵ Среди пословиц, записанных в конце XVII в., есть близкое соответствие этому книжному из-

²⁴ Афоризм «Дары ослепляют ум богов бессмертных и людей» получил широкое распространение от Гесиода через Платона и Овидия, но христианские писатели усвоили через Лексикон Свиды сокращенный его вариант: «Дары и мудрых ослепляют» (Тимошенко, стр. 16—17).

²⁵ На сочинения Иоанна Златоуста ссылается, приводя это изречение, Иоанн Дамаскин. По происхождению оно восходит к античной греческой и римской литературе (Плутарх, Цицерон), на образцах которой был воспитан в школе будущий Златоуст. В византийском сборнике изречений знаменитых мужей древности, составленном в XV в. Михаилом Апостолием, содержится этот афоризм. Не учтя текста Пчелы, И. Е. Тимошенко оставил открытым вопрос: «Из какого источника она (русская пословица, — В. А. П.) перешла к нам — неизвестно» (стр. 83).

речению: «Место человека не просветит, но человек место» (Симони, стр. 120). Даль приводит варианты, еще более близкие к тексту Златоуста: «Не человек местом красится, а место человеком»; «Не место человека, а человек место красит» (стр. 249, 697).

* * *

Афоризмы с большим вниманием отнеслись к обсуждению вопросов семейных отношений. Библейскую заповедь «Чти отца твоего и мать твою» Сирах дополняет предупреждением: «Благословение бо отче утверждает дома чядом, клятва же матерья искореняет до основания» (Изборник 1076 г., стр. 413). Краткий вариант в «Священных параллелях» — «Клятва матерья основания искоренит» (стр. 7). «Цветы сельнии» от имени Соломона приводят вариант этого изречения: «Отча клятва сушит, а матерья искоренит. Отчим благословением дом утвердится, а матерья молитва от напасти избавит» (стр. 110). Пчела дает от имени Александра вариант: «Едина капля слез матерних много прегрешения и клеветы загладит» (стр. 146). Устные пословицы повторяют эти мысли о силе родительского благословения и клятвы. Повесть о Горе-Злочастии рассказывает о том, как молодец, пропив все, что имел, кается: «...ослушался яз отца своего и матери, благословение мне от них миновалось». ²⁶ В сборнике Даля — «Родительское благословение на воде не тонет, на огне не горит», «Отцовская клятва сушит, а матерья коренит», «Материнская молитва со дна моря вынимает» (стр. 387).

Религиозная окраска требования беречь мать, содержащегося в поучении Ксенофонта сыновьям, — «Матери же ваю чьсть отъдаита и вьсе добро сътворита ей, да господа узьрита радуюшта ся», «Матере не забываита, волю ей творита» (Изборник 1076 г., стр. 479, 480) — сохранена и в устной пословице: «Покой матерь свою волю божию творит», «Не оставляй отца и матери на старости лет, и бог тебя не оставит» (Даль, стр. 385).

Однако афоризмы напоминали детям об обязанностях по отношению к родителям, мотивируя не только надеждой на награду от бога, но и тем, что и им понадобятся в старости заботы детей. В Пчеле Сократ советует: «Так буди родителям своим, ак бы молил быти детем своим» (стр. 220), и ему вторит Милисий: «Какы чести принесеши ты к своим родителям, таких и ты чаи от своих детеи на старость» (стр. 221). Ту же мысль, хотя и иными словами, выражают пословицы: «Корми сына до поры; придет пора — сын тебя покормит» (Даль, стр. 386). Зато пословица предупреждает, что ждет за плохое обращение с родителями: «Дети отца бьют, на себя запас пасут», «На лубе отца спустил, и сам того же жди от сына» (Даль, стр. 385).

В жизни бывали случаи, когда настоящим воспитателем оказывался не родной отец, и Менандр утверждает: «Отец есть иже вскормит, а не иже родит» (стр. 14). В одной из русских редакций Пчелы приводится расширенный вариант этого афоризма Менандра: «Учитель добрлучши есть худаго отца: отець бо худ детска родив и вскормив, а добрый учитель стар ум в нем строит» (Пчела Роз., стр. 49). Пословица сохраняет основные мысли обоих вариантов: «Не тот отец, мать, кто родил, а тот, кто вспоил, вскормил да добру научил» (Даль, стр. 385).

Интересно, что уже Пчела словами Епиктита определяет место дочери в семье близко к народной пословице: «Дьчи отцю — чюже стяжанье

²⁶ Повесть о Горе и Злочастии. — Памятники старинного русского языка и словесности XV—XVIII ст. Вып. VII, 1. Приготовил П. Симони. СПб., 1907, стр. 36.

есть» (стр. 222). Так и Даль записывает: «Дочь — чужое сокровище» (стр. 384). Пословица поясняет такую оценку: «Холь да корми, учи да стереги, да в люди отдай» (там же). Есть и варианты этой пословицы: «Сын — домашний гость, а дочь в люди пойдет» (Даль, стр. 383). «Сына корми — себе пригодится, дочь корми — людям снадобится» (стр. 384).

Размышляя о детях, Пчела афоризмом Клитарха предупреждает: «Именья многа детям безумным не пользуют» (стр. 133). Этот грустный вывод пословица делает прямо из житейских наблюдений: «Глупому сыну не впрок богатство (вар. не в помощь наследство)» (Даль, стр. 386).

Немало теплых слов сказали афоризмы о «жене доброй» — основе семьи. Изречения Сираха на эту тему вошли уже в Изборник 1076 г.: «Жены добры блажен есть мужь ея и число дньи его сугубо», «Жена добля веселить мужа своего и лета его испълнить миромь», «Жена добля и мудра — чьясть блага и в чясти боящих ся господа дана будеть» (стр. 383). Эти изречения повторяет сборник «Священные параллели» (стр. 34, 35). Старшая редакция «Слова» Даниила Заточника повторила изречение Соломона: «Жена добра — венец мужу своему» (стр. 30; ср.: Притчи Соломона, гл. 12, ст. 4).

Такую характеристику доброй жены прочно усвоили пословицы, о чем свидетельствуют уже старшие их записи: «Женою доброю муж честен бывает» (Симони, стр. 183; то же — Петр., стр. 26, Даль, стр. 370).

Однако изречение Сираха скептически предупреждало: «Жены добры неудобь обрести» (Изборник 1076 г., стр. 383—384; то же — Менаандр, стр. 7). Уже в античной греческой литературе, особенно в комедиях, были известны афоризмы о злых женах, получили распространение сравнения их с «неукротимым наглым зверем» (Тимошенко, стр. 73). Христианство, с его резко осудительным отношением к плотской любви, продолжило развитие этой темы, и в византийской учительной литературе был создан ряд «слов» о злых женах, а сборники изречений включили значительное число афоризмов, характеризующих самыми отрицательными чертами этот противостоящий «доброй» жене образ «злой». В русскую литературу старшие образцы сказаний о злых женах вошли через Изборник Святослава 1073 г. (лл. 169 об.—175), где представлен богатейший набор всяческих обвинений, с помощью которых обосновывается запрещение женщинам «учити», считать себя равными мужу, и красочно изображаются способы, какими жена вводит в «грех» и влечет в ад «мужьск род». Многие из этих обвинений повторяются и в других «словах» о злых женах, цитируются в виде отдельных изречений и в сборниках афоризмов.

Изборник 1076 г. в разделах «О женах зьлыхих и добрых» и «О жене лукаве» (от этого раздела сохранилось лишь два изречения, следующая тетрадь утеряна) поместил также определения женской «злости» и «лукавства»: «Мала есть вся зьлоба противу зьлобе женьскеи...»; «Жена лукава — язва сердечная»; «Волю жити с лвьмь неже с женою лукавою» (стр. 382, 384). Пчела приводит библейские изречения, близкие к последнему афоризму Изборника. Сирах предупреждает: «Пребывати изволи со лвом и змием, нежели с женою лукавою». А Соломон дает расширенный вариант этой мысли: «Якоже червь в древе, тако же мужа губить жена злодеица. Уне жити в пустыни с лвом и с змиею, неже жити с женою лукавою и язычною» (стр. 418). «Разумения единострочные» кратко повторяют: «Со лвом лучше жити, неже с женою злою» (стр. 409) — и в более общей форме: «Зверии всех свирепейши есть жена» (там же). «Священные параллели», со ссылкой «от приточь», при-

вводят краткий вариант изречения Соломона: «Яко же червь в дереве, тако и жена злоумна погубить мужа» (стр. 36). Именно это изречение Соломона пересказано в старшей редакции «Слова» Даниила Заточника: «Червь древо тлит, а зла жена дом мужа своего терять» (стр. 31).

Русский читатель знакомился по Измарагду со «словами» Иоанна Златоуста «О добрых женах и о злых», «О злых женах», в которые вошли и приведенные изречения Сираха и Соломона, и другие афоризмы тех же авторов. Поэтому в пословицы входили определения женской злобы не только через сборники афоризмов, но и непосредственно через учительные «слова» на эту тему.

В старших записях пословиц находим пословичные изречения явно книжного происхождения: «Злых всех злее злая жена» (Симони, стр. 105); «Женою Адам из рая изгнан» (стр. 104); «Жена злонравна — мужу погибель» (Петр., стр. 28). Даль приводит много пословиц, осуждающих «злую жену», и среди них — близкие к приведенным выше книжным афоризмам: «Червь древо тлит, а злая жена дом изводит»; «Злая жена — злее зла»; «Злая жена — та же змея»; «Лучше жить со змеею, чем со злою женою» (стр. 376).

Менандр перенес осуждение женской злобы на мачеху: «Несть злее ничтоже ино паче мачехы злы» (стр. 8). Пословица часто противопоставляет доброту матери жестокости мачехи, однако выражает эту тему независимо от книжного афоризма (ср. в сборнике Даля, стр. 393).

К теме взаимоотношений между людьми примыкают и афоризмы, характеризующие отношение к войне («брани»), ссоре и миру. Христианское резко отрицательное отношение к насилию выражено в словах Христа, обращенных к ученику, который, защищая его, отсек ухо одному из «слуг архиерея», пришедших арестовать Христа: «Вси бо приемшии нож ножом погибнут» (Матфея, гл. 26, ст. 52). Пчела включает афоризм Димостена: «Брань славна лучши есть мира скудна» (стр. 412). Этот афоризм неоднократно цитируется в летописных статьях XII и XIII вв. (Лаврентьевская летопись под 1186, 1187, 1239 гг.). Со ссылкой на Фукидида Пчела разъясняла вред «лжива мира»: «Начало рати мир утверждает, со лживым же миром живуще, велию пакость землям творять люту» (стр. 413).

В записи Даля сохранился этот афоризм со старинным значением слова «брань» — война (стр. 262). Изречению Фукидида: «Начало рати мир утверждает» (Пчела, стр. 413) — соответствуют в Ипатьевской летописи под 1148 г. пословицы «Мир стоит до рати, а рать до мира», а в записи Даля — «Рать стоит до мира, ложь до правды» (стр. 198, где приведена и как отдельная пословица лишь вторая часть — «Ложь...»).

Под 1254 г. летопись (см. Ипатьевский список) поместила афоризм, видимо, книжного происхождения: «Война без падших мертвых не бывает». Аналогичные пословицы, но прямо не связанные с этим изречением, отмечает Даль: «Ни моря без воды, ни войны без крови», «Война кровь любит (пьет)» (стр. 259). Однако обычно пословица употребляет слово «брань» в значении «ссора» (притом словесная), противопоставляя брань — драке. Так, в записи конца XVII в. читаем: «Бранясь, оставь слово к миру» (Симони, стр. 78; Татищев, стр. 47; Богданов, стр. 68). Даль записывает варианты этой мысли — после брани надо мириться: «С кем побранюсь, с тем и помирюсь» (стр. 265), «Сколько ни браниться, а быть помириться» (стр. 266). Поэтому даже «худой мир» предпочтительнее брани, драки: «Худой мир лучше доброй драки» (стр. 264).

Именно поэтому к брани-ссоре пословицы относятся отрицательно. Уже в записи XVII в. пословица утверждала: «Бранью праву не быть» (Симони, стр. 78; Даль, стр. 267).

* * *

Средневековое учение о «естестве» человека обращало внимание русских читателей на особо важное значение в его жизни ума: «Яко князь во граде, тако и ум владеет душою и телом».²⁷ Уже в XVII в. была записана пословица: «Свой ум — царь в голове» (Симони, стр. 139; то же — Даль, стр. 440).

Высоко ценя ум, Пчела собирает ряд изречений на эту тему. Общее суждение о ценности ума выражено афоризмом Филона: «Мудрость надо всеми добродетелими цесарствовать» (стр. 17). Вариант этого суждения — изречение Клеитарха: «Царь ума венцем не прищеть, ум бо цесарствует» (стр. 104). Однако Златоуст иначе определяет отношение между умом и добродетелью: «Источник и мати и корень мудрости — добродетель, а все лукавство от безумья починается» (стр. 17).

В сборнике Даля характеристике значения ума посвящено много пословиц, среди которых есть дающие общую высокую оценку ума, но прямой связи между ними и книжными изречениями нет: «Голова — всему начало», «Где ум, там и толк» (стр. 430); «Голова без ума, что фонарь без свечи» (стр. 434), и т. д.

Ум сильнее удачи-счастья («вазни»). К такому выводу в Пчеле ведет спор между златолюбцем и любомудрецом. Последнее слово в этом споре о том, что лучше — «капля вазни» или «ботарь ума», остается за любомудрецом: «абы ми капля ума, негли глубина вазни» (стр. 17). К тому же заключению приводит афоризм Тимонакса: «Умом возможно вазни приискати, вазнь же ума не приобретает» (стр. 19).

Независимо от этих литературных изречений пословица утверждает ту же мысль: «Счастье без ума нипочем», «Счастье без ума — дырявая сума: что найдешь и то потеряешь» (Даль, стр. 66). Но поскольку другие пословицы склонны счастье-удачу считать независимым от ума («Счастье вольная пташка: где захотела, там и села» — Даль, стр. 72), в пословицы перешло изречение Суворова: «Сегодня счастье, завтра счастье — помилуй бог, а ум-то где?» (стр. 67).

Ум дороже богатства, напоминает в Пчеле Пифагор: «Ни коня без узды возможно есть дерьжати, ни богатства без ума» (стр. 24). Плутарх вторит этой мысли: «На рати утверженья ради железо есть дражшии злата, а в животе — ум паче богатства» (стр. 130). Менандр напоминает: «Луче сбирати ум, негли богатство лукаво» (стр. 10); «Луче капля ума, неж богатства довол» (стр. 19); «Здравие и ум — двое добро в животе» (стр. 21). Пословицы, не повторяя книжных изречений, сходятся с ними в предпочтении ума богатству: «Не купи гумна, купи ума» (Даль, стр. 431); «Был бы ум, будет и рубль; не будет ума — не будет и рубля» (там же).

Интересной оказалась судьба изречения Плутарха, включенного в Пчелу и подчеркивающего преимущество ума перед богатством и славой: «Ни больного может изцелити златая кровать, ни несмысленному на ползу слава и богатство» (стр. 176). В устной традиции первая часть этого афоризма выделилась в самостоятельную пословицу и приккнула к другим, на тему — больному все не мило. В сборнике конца XVII в. читаем: «Болному злата кровать не поможет» (Симони, стр. 79;

²⁷ Слово о славе мира сего. — Измарагд, ч. 2, л. 25 об.

«... кровать и золотая...» — Петр., стр. 24; «... и золотая не мила» — Богданов, стр. 66). В записи Даля: «Больному и золотая кровать не поможет (вар. не рад больной и золотой кровати)». В этой последней форме книжная по происхождению поговорка встретила с аналогичными по теме: «Болному все горко» (Татищев, стр. 47; Богданов, стр. 66; Даль, стр. 398); «Болному все не мило», «Болному забавы не в пользу» (Богданов, стр. 66); «Больной и мед горько», «Больному и киселя в рот не вотрешь», «Больной и сам не свой» и т. д. (Даль, стр. 398).

Ум выше силы, утверждает в Пчеле изречение Хорикина: «Сила без доброумья ничтоже пользует, ум же, аще и силы не имеет, многожды домыслится» (стр. 22). Пословица согласна с такой оценкой ума: «И сила ум уступает» (Даль, стр. 431), но рядом и безнадежное наблюдение: «Сила ум ломает» (там же).

Изречения Пчелы учили высоко ценить умное слово. «Не омочив языка в уме, много съгресиши в слове», — советует Зинон (стр. 360), — а Варнава предупреждает: «Мутен ум чиста слова не ражает» (стр. 11). Поэтому в Повести об Акире умная речь характеризуется так: «Аще кто послушаеть умна человека, то яко же в день жадания студеные воды напьется» (стр. 51).

Пословицы по-своему, но очень близко к книжным афоризмам передают ту же мысль: «Умную речь хорошо и слушать», «В умной беседе быть — ума прикупить, а в глупой — и свой растерять» (Даль, стр. 431). Похвала умной речи: «С тобой разговориться, что меду напиться» (Даль, стр. 417).

Признавая пользу общения с «умным», изречение из Повести об Акире советует остерегаться похвалы «безумного»: «Уне есть от премудра бьену быти, неже от безумна маслом помазану быти» (стр. 91). Пословица выражает своими словами ту же мысль: «Лучше умная хула, чем дурацкая похвала», «Иная похвала хуже брани» (Даль, стр. 735, 736). Вариант также в записи Даля: «С умным браниться — ума набраться, с дураком дружить — свой растерять» (стр. 445).

Высшее наказание для человека — лишиться ума. В одной из русских обработок Пчелы читаем, без ссылки на автора, изречение: «Аще на когъ бог прогневается, то преже избезумится» (Пчела Роз., стр. 54). Пословица по-своему передает эту мысль: «Отыми, господи, руки, ноги, да опокнь разум» (Даль, стр. 430).²⁸

Умному в изречениях противостоит «безумный» — глупый. Среди афоризмов Варнавы находим такие оценки безумного: «Луче есть на не обуздане коне ездити, неже с безумным свет (совет) творити», «Иже красен и безумен, то акы паволочито възглавие, соломы натъкано» (стр. 15). Второй афоризм в близкой передаче читаем в старшей редакции «Слова» Даниила Заточника, где противопоставляется мудрый нищий «несмыслену» богачу: «Нишь бо мудр, аки злато в кални судни, а богат красен и не съмыслен аки паволочито изголавие, соломы наткано» (стр. 21).

Противопоставление умного глупому — тема многих пословиц: «Коня правят уздою, а человека умом» (Паус, стр. 41); «Умный не осудит, а глупый не рассудит», «И толст, да прост, и не телен, да делен», «Мужик умен — пить волен; мужик глуп — пропьет и тулуп» и т. д. (Даль, стр. 434).

²⁸ В статье В. Калниня «На чьей арбе ехал Лазда?» рассказ о деятельности в Швеции латышских эмигрантов заканчивается старым афоризмом-пословицей: «Вот уж поистине, если господь хочет покарать человека, он лишает его разума!» («Известия», 1969, 1 августа, стр. 4).

«Безумного» учить бесполезно, утверждают книжные изречения. В Повести об Акире эта мысль выражена снова противопоставлением: «Умну мужу речеши слово — и поболить сердцем, безумнаго аще и кнутом бьеши, не вложиши в онь ума», «Умна мужа послав на путь, не много ему, кажи, а безумнаго послав, то сам по нем иди, да не введеть тя в срам» (стр. 55—57). В русской редакции Пчелы, со ссылкой на Притчи Соломона (гл. 27, ст. 22), приведено изречение: «Аще безумна бьеши, то безумия от него не отимеши» — и второе, на ту же тему: «Ни мертвеца розсмешити, ни безумнаго уму научити» (Пчела Роз., стр. 53).

Соответствия этим изречениям находим уже в старшей редакции «Слова» Даниила Заточника: «Мужа бо мудра посылай и мало ему кажи, а безумнаго посылай и сам не ленися по нем ити» (стр. 23); «Ни мертвеца розсмешити, ни безумнаго наказати (*вар.* научити)» (стр. 24).

Пословицы также считают бесполезным учить «безумного», и связь их с изречениями сохраняется: «Ни мертвеца рассмешить, ни дурака научить», «Что в утлый мех воду лить, то безумного уму-разуму учить», «Дырявого меха не надуть, а безумного не научить» (Даль, стр. 439); «Хорошо того бить, кто плачет, а учить — кто слушается» (стр. 129).

Изречения о безумных-глупых создавались, очевидно, рано и в русской литературе. Так, в старшей редакции «Слова» Даниила Заточника среди «мирских притч» читаем следующую: «Безумных бо ни сеют, ни орют, ни в житницу собирают, но сами ся родят» (стр. 24). Стилистическим образцом для этого изречения, возможно, послужил текст Евангелия Матфея (гл. 6, ст. 26): «Воззрите на птицы небесныя, яко не сеют, ни жнут, ни собирают в житницы. . .». В редакции XIII в. «Моления» Даниила Заточника эта формула расширяется: «Безумных бо ни сеют, ни орют, ни прядут, ни ткут, но сами ся ражают» («Слово» Даниила Заточника, стр. 67). Несколько иначе основная формула развита в изречении, входящем в русский список Пчелы начала XVI в.: «Безумных ни орют, ни сеют, ни куют, ни лют, но сами ся ражают» (Пчела Роз., стр. 53).

Пословица в записи конца XVII в. по-своему передает старшую форму этой характеристики безумного: «Дураков не сеют, а умных не веют, и сами они объявляются» (Симони, стр. 95). Но рядом записана и более близкая к книжному источнику форма: «Дураков ни сеют, ни жнут, сами родятся» (стр. 93). Вариант — в записи Даля: «Дураков ни орут, ни сеют, а сами родятся» (стр. 438).

Книжные изречения о ценности ума рано, видимо, встретились с народными пословицами на эту тему. В сборнике XVII в. «Цветы сельнии» со ссылкой на Пчелу читается изречение явно устного народного происхождения: «Зелен виноград не сладок, а мал ум не крепок, а во всяком мудреце довольно простоты» (стр. 118). В сборнике Богданова две первые части переданы точно: «Зелен виноград не сладок, а млад ум не крепок» (стр. 82). В старшей записи конца XVII в. вместо «ум» читается «человек»: «Зелен виноград не сладок, а млад человек не крепок» (Симони, стр. 107). Третья часть в виде отдельной пословицы записана Далем: «На всякого мудреца довольно простоты» (стр. 441).

Ум необходимо развивать учением. Древнерусский читатель еще в «Повести временных лет» прочитал наставление о том, что «велика бо бывает полза от ученя книжного», и похвалу книгам: «Се бо суть реки напаяюще вселеную, се суть исходяща мудрости; книгам бо есть неищетающая глубина; сими бо в печали утешаеми есмы; си суть узда въздержанью» (1037 г.).

В одном из поучений на тему «почитанья книжного» — «Того же Кюрила наказанье», в списке, помещаемом после «слов» Кирилла Туровского и потому иногда приписываемом ему же, польза чтения «святых книг» доказывается изречением: «Капля бо часто каплюши и камень вдолит, тако и почитая часто книги с разумомъ, разрешит греховныя соузы». ²⁹ Вариант этого изречения в сборнике «слов» XV—XVI в. собрания Киевского Михайловского монастыря, где оно находится в «Слове апостола Павла истолковано Иваном Златоустым и великим Васильем»: «Воды бо часто капля каплюшия и камень удольт, тако книги часто чтмы навелудуть на истинный путь» (л. 8). Первоисточник этого афоризма отмечается у античных греческих поэтов с V в. до н. э. («Капля, непрерывно падая, долбит скалу»); в римской литературе — у Овидия, откуда переходит к византийским писателям, в том числе и в византийскую христианскую церковно-учительную литературу. ³⁰ Именно через эту святоотеческую книжность афоризм дошел до древнерусской литературы и был усвоен как пословица с широким применением ее к разным случаям жизни. Так, Даль помещает пословицу «Капля камень долбит» в раздел «Терпение, надежда» рядом с русским вариантом «Дятел и дуб продабливает» (стр. 118).

Сборники афоризмов с разных точек зрения внушали мысль о необходимости учения. Изречение Варнавы изображает учение как подпору ума: «Муж мудр без книг подобен есть оплоту без подпор: егда без ветра, то он стоит, а ветру пахнувшю на нь, то подается, не имый подъпора книжных словес» (стр. 16). Именно учение делает ум мудрым. «Ум и мудрость аще ся обое случитъ в человеце, то акы обе очи в челе, съвершено глданье имуще» (там же). Пчела афоризмом Плутарха напоминает о необходимости ученья: «Ни в рыбах гласа, ни в ненаказаных добра дела ищи» (стр. 165). В списке Пчелы начала XVI в. другим сравнением, видимо русского происхождения, доказывается ценность для ума ученья: «Ум остр, николи же слыша святых книг, акы она припешена птица не может борзо възлетети». В сербском списке в том же афоризме отсутствует характерное для русской охотничьей стилистики выражение «припешена птица»; вместо него читаем «птица без перья» (Пчела Роз., стр. 49). Тимонакс замечает с насмешкой: «Смешно есть, иже глаголетъ, яко мудрость без ученья есть» (Пчела, стр. 19).

Пословицы о пользе именно книжного учения сложились вне приведенных книжных изречений: «Кто грамоте горазд, не умеет ли пропасть» (Симони, стр. 112; Петр., стр. 29; Даль, стр. 418); «Книги читать — зла не плутать» (Симони, стр. 113); «Не учась в попы не ставят» (Татищев, стр. 59); «Не учась в грамоты в попы не ставятся» (Богданов, стр. 103); «Грамоте учиться всегда пригодится», «Не красна книга письмом, красна умом» (Даль, стр. 420, 418).

Иной была судьба афоризма Демокрита: «Наказание корение имеет горко, а плод сладок» (Пчела, стр. 168). Этот афоризм, идущий, вероятнее всего, от Аристотеля, широко использовался и греческими и римскими писателями (Тимошенко, стр. 68). Известен он и в весьма близкой к книжной форме пословице: «Корень учения горек, да плод его сладок» (Даль, стр. 422). Но рядом с этой литературной по происхождению пословицей есть независимые от нее, но сходные по мысли поговорки, напоминающие о том, что ученье требует упорного труда: «Многое уче-

²⁹ Рукописи гр. А. С. Уварова, том второй, изданные М. И. Сухомлиновым. СПб., 1858, стр. 70.

³⁰ См.: Тимошенко, стр. 66—67.

ние трудов потребует» (Симони, стр. 120); «Коли хочешь много знать, не надобно много спать» (Богданов, стр. 87; Даль, стр. 422); «Итти в науку — терпеть муку», «Без муки нет и науки» (Даль, стр. 422).

Значение книги в сочинениях Иоанна Златоуста определяется так: «Книжная премудрость подобна солнечной светлости».³¹ Аналогию к этому изречению представляет пословица «Ученье свет, а неученье тьма».³² Особенно необходимо «наказание», т. е. ученье, тем, кто наделен властью; Пчела дает выписку из Плутарха: «Притча глаголет: детям ножа не давай. Аз же рьку: ни детям богатства, ни мужем ненаказанным силы и власти подавати» (стр. 101). Словами Демокрита Пчела предостерегает: «Несмысленным уне есть под властью быти, нежели самому владети» (стр. 103).

Однако Менаандр напоминал, что не все могут учить: «Вещати умеют мнози, а разумети не вси» (стр. 11). Так и пословица предупреждает: «Мудрено тому учить, чего сами не знаем (вар. не умеем)»;³³ «Складно бает, да дела не знает», «Всяк мастер на выучку берет, да не всяк доучивает» (Даль, стр. 415, 422).

Высоко оценивая ум, мысль, учение, дидактическая литература много внимания уделила рассуждениям о слове — выразителе мысли, суждений и человеческих отношений. Пчела все же особо подчеркивала силу не слов, а доброго примера. Богословец наставляет: «Уча учи нравом, а не словом» (стр. 148). Ему вторят Епихарий — «Учитель нравом да покорить ученика, а не словом» (стр. 155) — и Димостен: «Не тако можеши словом учити и привлеши к себе слушающих, акы нравом благым» (стр. 347).

В соответствии с такими суждениями о том, что дела сильнее даже самых правильных словесных наставлений, афоризмы учили больше доверять увиденному, чем услышанному, а «дело» предпочитали «слову». В Изборник 1076 г. включено изречение Сираха: «Не буди скор языкъм своимъ и ленив и слаб в делех своих» (стр. 322). Пчела тот же афоризм Сираха приводит в несколько ином изложении: «Не буди шатайся языком своим, ни ослаблен ни ленив умом своим и делом тако же» (стр. 427).

В XVIII в. записана пословица, близкая к этому изречению: «Не спеши языком — а не ленись делом» (Петр., стр. 32; Татищев, стр. 58); вариант у Богданова: «Не спеши языком, а руками не ленись» (стр. 102). У Даля находим целую группу пословиц на эту тему, то повторяющих близко книжный афоризм — «Языком не торопись, а делом не ленись», «Не спеши языком — торопись делом» (стр. 407), — то лишь развивающих его противопоставление слова и дела: «Кто мало говорит, тот больше делает», «Кто много говорит, тот мало делает», «Поменьше бы слов, да побольше дела» (Даль, стр. 407, 635).

В античной греческой литературе, начиная с Геродота, увиденное глазами считалось более достоверным, чем услышанное ушами: «Уши для человека не столь верные показатели, как глаза» или «Глаза более достоверные свидетели, чем уши». В сборнике греческих пословиц Апостолия (XV в.) этот афоризм уже расценивается как бытующее отдельно

³¹ См. рукопись из собрания Погодина, № 1558, XVII в., л. 227 (А. Ф. Бычков. Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников имп. Публичной библиотеки. СПб., 1882, стр. 179).

³² И. Снегирев. Русские в своих пословицах, кн. II. М., 1831, стр. 27; см. также: Даль, стр. 423.

³³ Мораль к средневековой басне «Лисица и волк» гласит: «Не учи других, пока сам не учен» (Басни Эзопа, стр. 231).

изречение (Тимошенко, стр. 47). Аналогична по смыслу русская пословица «Не верь чужим речам, верь своим очам» (Даль, стр. 666), хотя прямо связывать ее с греческим афоризмом нет основания.

Пчела, осуждая болтливость, дает другой совет: больше слушать, чем говорить. На вопрос: «Како две уши имеем, а един язык?» — Димостин отвечает: «Зане достойно сугубо слышати, а единою молвити» (стр. 310). Вариант этого совета Пчела приводит от имени Димонакса: «Ушима боле требуи, нежели языком» (стр. 309). Со ссылкой на Апостол Пчела включает христианский вариант этого совета: «Да будет всяк человек скор на послушание, а ленив на глаголение» (стр. 306). В записи XVIII в. эта мысль из афоризмов находит краткое выражение в пословице «Мало говори — больше услышишь» (Богданов, стр. 94). В сборнике Даля этому суждению соответствуют пословицы: «На то два уха, чтобы больше слухать», «Бог дал два уха, а один язык», «Слушай больше, а говори меньше», «Поменьше говори, побольше услышишь» (Даль, стр. 317, 407). В записи, сделанной в Олонецкой губернии, вариант того же рассуждения Пчелы: «На то два уха, чтоб больше слушать; один рот, да и тот много врет» (стр. 158).

Итак, первое предостережение афористической литературы направлено против «многоглаголания», болтливости. В Пчеле особый раздел отведен теме «О многомолвлении» (стр. 306—311). Первоисточником еще по-книжному звучащего в сборнике пословиц изречения — «Во многом глаголении несть спасения» (Симони, стр. 85; Татищев, стр. 48; Богданов, стр. 73; Даль, стр. 407) — был, видимо, текст Евангелия Матфея: «Молящиеся же не лишше глаголите, якоже язычници: мнят бо, яко во многоглаголании своем услышани будут» (гл. 6, ст. 7).

Болтливость, непродуманные слова осуждают и другие афоризмы. В Пчеле Исократ предупреждает: «Всяко, иже хощеша реши, прежде искушай умом своим: в многих бо язык речеть (*вар.* рыщеть) пред умом» (стр. 309). С этим афоризмом связано пословичное изречение, известное уже по старшим записям: «Язык мой — враг мой: прежде ума моего рыщет» (Симони, стр. 161; Петр., стр. 26). Повторяя эту старую форму пословицы, Даль записывает и ее ритмически доработанный вариант: «Язык мой враг мой — прежде ума рыщет, беды ищет» (стр. 412).

О том, что пустых речей говорить не следует, что иногда лучше помолчать, афоризмы напоминали в разной форме. В Изборник 1076 г. вошла библейские изречения Сираха: «Человек мудр умлѣчить до времени, и умножяи словеса мързък будеть» (стр. 361); «Язык человекъ падение ему есть» (стр. 325). Там же слова Нила Синайского зовут воздерживаться от болтливости: «Свяжи язык си, многошьды бо извештаеть еже есть лепо таити» (стр. 277—278). Неоднократно и то же самое советует Менандр: «Язык паче всего учися держати» (стр. 7); «Бываеть другоици молчание луче глаголания» (стр. 16); «Уне есть молчати, негли глаголати пустошная» (стр. 27); «Узду имей языку, да не глаголет пространно» (стр. 32). «Разумения единострочные» повторяют этот совет: «Язык паче везде изволи удержевати» (стр. 408).

Пословицы по-своему, независимо от книжных афоризмов, осуждают многословие: «Сперва подумай — потом говори» (Симони, стр. 195); «Мнѣго знать подобает, да больше молчать» (Паус, стр. 40); «Многие речи в добро не приводят», «Много знай, да меньше говори» (Богданов, стр. 995—996). Обширную подборку пословиц на тему о вреде болтливости дает Даль: «Много знай, да мало бай», «Много баить не подобает», «Держи язык короче», «Держи язык за зубами (*вар.* за замком, на привязи)», «Мелет день до вечера, а послушать нечего», «Язык болтает,

а голова не знает», «Сказано — серебро, не сказано — золото» и т. д. (стр. 407—418).

Предостерегая от болтливости вообще, Пчела от имени Соломона советует не тратить слов на спор с язычным, т. е. многословным, человеком: «С язычным человеком не спирайся: не прикладай на огонь его дров» (стр. 306). Даль записал как пословицу аналогию ко второй части этого изречения: «Не подкладывай к огню соломы» (стр. 670). Впрочем, одно из изречений Варнавы (стр. 13), включенное в позднюю русскую редакцию Пчелы (Пчела Роз., стр. 36), настораживает и против излишней молчаливости: «Затчена корчага, молчалив муж — неизвестно имат ли что в себе». Пословицы по-своему оценивают это свойство: «Не стать говорить — так и бог не услышит», «Дитя не заплачет — и мать не знает», «Молчан-собака не слуга во дворе» (Даль, стр. 417).

Предостерегая от болтливости, рекомендуя вдумчивое отношение к слову, афоризмы призывают силу слова, его воздействие на человека, а потому напоминают, что сказанного не вернешь. Пчела приводит афоризм Плутарха: «Ни птицы упущены скоро можеша опять яти, ни слова, из уст вылетевша, възвратити можеша и яти» (стр. 195). И. Е. Тимошенко отмечает, что Менандр использовал для сравнения в аналогичном изречении образ брошенного камня, а Гораций — пущенной стрелы (стр. 78).

В русских пословицах старший вариант повторяет образ птицы, примененный Плутархом: «Слово не воробей, а выпустишь — не схватишь» (Петр., стр. 34). Даль записал и вариант старой пословицы — «Слово не воробей, вылетит — не поймаешь», — и другие пословицы, выражающие ту же мысль: «И дорого бы дал за словечко — да не выкупишь», «Коня на вожжах удержишь, а слова с языка не воротишь», «Сказанное слово в кадык назад не ворочается», «Слово выпустишь, так и крюком не втащишь», «Молвишь — не воротишь, а плюнешь — не подымешь», «Выстрелив пулю — не схватишь, а слово сказав — не поймаешь», «Языком не слизнешь» (стр. 417—418).

Если сказанного слова не вернешь, что доказывал афоризм с помощью сопоставления с улетевшей птицей, то другое бытовое сравнение подчеркивало необходимость самого осторожного обращения со словом. «Уне есть ногами потъкнути, нежели языком», — предупреждает Пчела словами Клитарха. Это изречение полностью повторено в русской редакции Повести об Акире Премудром.³⁴ Ошибочно занеся этот афоризм в число латинских схоластических пословиц, И. Е. Тимошенко, не учтя текста Пчелы, пришел к выводу: «Когда и каким путем они проникли к нам, неизвестно» (стр. 167). Между тем в Пчеле есть и вариант изречения Клитарха, помещенный под именем Нила Синайского: «Щади своего беспоставного языка: горьчае языком попользнути, нежели ногами» (стр. 308). Даль записал пословицу, явно связанную с изречением Клитарха: «Лучше ногою запнуться, нежели языком» (стр. 418).

Афоризмы напоминали, что словом можно помочь человеку, утешить его, сделать добро, но можно и обидеть, причинить зло. Отсюда определения слова в книжных изречениях — «мудро», «добро», «кротко», «полезно», но рядом — «лживо», «тяжело», «ранит подобно стреле».

Пчела от имени Плутарха приводит изречение: «Кротько слово разрушаеь гнев» (стр. 187). То же действие кроткого слова признают

³⁴ В сирийской версии та же мысль выражена иначе: «Лучше для человека споткнуться в сердце своем, нежели споткнуться своим языком» (Повесть об Акире, стр. 70, 71).

Притчи Соломона: «Мягкий язык переламывает кость» (гл. 25, ст. 15) или «Кроткий ответ отвращает гнев, а оскорбительное слово возбуждает ярость» (гл. 15, ст. 1). Менандр учит: «Умеет слово мудро печаль врачевати» (стр. 11), «Душе печалне полза есть слово добро» (стр. 17, 22).

Народные пословицы с конца XVII в. отмечают это различие между «мягким» и «жестким» словом: «Ласково слово кость ломит, а жестоко гнев движет» (Симони, стр. 118); «Ласковое слово пуше дубины» (Татищев, стр. 55; Богданов, стр. 90). Даль записывает варианты, в которых на первый план выделяется в слове покорность: «Покорное слово гнев укрощает», «Покорное слово сокрушает кости» (стр. 216). Но приводит он и традиционный вариант: «Ласковое слово и кость ломит» (стр. 418). Пословица учит не жалеть доброго слова: «От приветливых слов язык не отсохнет» (Даль, стр. 518).

Но слово может и повредить человеку — Менандр напоминает об этом изречением: «Меч язвит тело, а слово зло — ум» (стр. 12); ср. вариант в «Разумениях единострочных»: «Меч уязвляет тело, ума же — слово» (стр. 409). Та же мысль повторяется в изречениях Исихия и Варнавы: «Меч погубляет многы, но не яко язык зол» (стр. 10). Ср. у Даля: «Слово не стрела, а сердце язвит», «Слово не стрела, а разит (вар. Слово не обух, а от него люди гибнут)» (стр. 416). В старших записях пословица, сохраняя то же уподобление слова стреле, предлагает противоположное значение слова: «Слово не стрела, а к сердцу льнет» (Симони, стр. 196; то же — Петр., стр. 35).

Афоризм Пчелы, приведенный со ссылкой на Апостола, подчеркивает различие смысла слова и его действия на человека: «Из одних уст исходить и благословение и клятва» (стр. 285). В сборнике XVI в. «Священные параллели» Иоанна Дамаскина приведена цитата «от Иаковля епистолия», которая заканчивается тем же изречением: «...от тех уст исходить клятва и благословение; не подобаеть, братие моа, тем тако бывати, еда тъжде источник испущает сладко и горко» (стр. 7). Пословица в записи Даля и повторяет это изречение — «Из одних уст клятва и благословение», — и по аналогии с ним строит другие: «Одни глаза и плачут и смеются», «Из одного рта тепло и холодно» (стр. 659).

К разумным, «полезным» речам следует прислушиваться, учат афоризмы; об этом нередко напоминало Евангелие, заключая поучение словами: «Имейя уши слышати да слышит» (Матфея, гл. 11, 13, 25; Марка, гл. 4, и т. д.). Пчела от имени Ниского советует: «Уне есть с лучшими беседовати, нежели с пущими» (стр. 149). Варнава учит: «Пчела на звон летить, а мудрыи на полезная словеса течет» (стр. 11).

Пословицы гораздо больше говорят о пустословии, осуждая его, однако и «хорошей», «красной», «живой» речи уделяют они внимание: «Живое слово дороже мертвой буквы», «Хорошу (вар. красную) речь хорошо (вар. красно) и слушать», «И невелика беседа, да честна», «Живым словом победить», «Не пройми копьем, пройми языком», «Красно поле пшеном, а беседа умом» (Даль, стр. 417).

Но строго осуждают афоризмы лживое, злое слово. Еще Псалтырь издавна предупреждала: «Удържи язык свой от зла и устье свои не глаголати лъсти» (псалом 33, — Амфилохий I, стр. 200). Поэтому и Евангелие Матфея учит: «Не входящее во уста сквернит человека, но исходящее изо уст, то сквернит человека» (гл. 15, ст. 11). «Язык многих зол виновен есть» («Разумения единострочные», стр. 408); «Лживо слово яко же и олово: тяжело есть и напоследок по воде плавает» (Повесть об Акире, стр. 75). Осудительное отношение не только к пустому, но

и к злomu слову характерно и для народных пословиц, где злобный язык имеет определение «змииный» (Даль, стр. 416). Обобщая свое суждение о злой речи, пословица замечает: «У кого желчь во рту, тому все горько», «Назло, да наперекор, да людям в укор» (Даль, стр. 131). Совет Псалтыри сохранился в пословице: «Не сквернит в уста, а сквернит из уст» (Даль, стр. 42; Татищев, стр. 58; Богданов, стр. 102).

Особенно резко осуждает Пчела словами Демокрита клевету: «Ножь режет, клевета же разлучает дружбу» (стр. 116). Народная пословица по-своему судит о вреде клеветы: «Клевета, что уголь: не обожжет, так замазает» (Даль, стр. 186). Пчела приводит изречение св. Василия, которое предупреждает, что клеветник вредит даже и себе самому: «Трех лиц пакостить клеветник: оклеветанному, и слышащему, и самому себе» (стр. 113). Народная пословица так определила этот вред: «Кто кого за глаза поносит, тот трусит его», «Кто о ком за глаза худо говорит, тот того боится» (Даль, стр. 186).

Выбирая собеседника, следует остерегаться враждебно настроенных — этому учило еще Евангелие Матфея: «Не пометайте бисер ваших пред свиньями, да не поперут их ногами своими» (гл. 7, ст. 6). Пчела повторяет совет «не сыпати бисера пред свиньями» от имени Плутарха (стр. 158). Очень близко к евангельскому тексту это изречение записано в конце XVII в.: «Не сып бисеру перед свиньями, да не попрут его ногами» (Симони, стр. 124). Еще ближе запись Даля: «Не мечите бисера пред свиньями, да не попрут его ногами» (стр. 638).

Высоко цenia правдивое слово, афоризмы предостерегали от привычки подтверждать клятвой его верность. Пчела начинает раздел «О клятве» напоминанием евангельского завета «не кленитесь отинудь», цитируя который Апостол добавляет: «Но да будет слово ваше еи, еи, ни, ни» (стр. 273). Изречение Сократа — «Подобает добрым благим мужем веру казати нравом и словом, а не клятвою» — кратко повторяется ниже от имени Соломона: «Достойно мужем благим нравом верну быти, а не клятвою» (стр. 275).

Пословица с XVIII в. учит, независимо от книги, не божиться: «Кто много божится, тому меньше верят» (Татищев, стр. 55; Богданов, стр. 88); варианты — у Даля: «Кто много врет, тот много божится», «Кто без дела божится, на того нельзя положиться» (стр. 653, 655).

Несколько иначе изречение Иисуса Сираха в Изборнике 1076 г. осуждает клятву: «Кльнии ся мьного испльнить ся безакония» (стр. 365). У Даля этому соответствует книжное изречение: «Горе кленущемуся, а вдвое — на клятву ведущему» (стр. 654).

* * *

Размышления о жизни породили вывод о том, что радость и горе идут рядом, чередуются. Об этом напоминала Псалтырь: «Вечер въдвориться плачь, а заутра радость» (Амфилохий I, псалом 29, ст. 168). Та же мысль выражена в псалме 125: «Сеявшей слъзами в радости пожьнуть» (Амфилохий II, ст. 420). На этом тезисе построен пессимистический совет не веселиться, включенный в «Слово некоего отца к сыну своему», известное уже по Изборнику 1076 г.: «Не въсохоти веселоваться в мире семь: все бо веселие света сего с плачьмь коньчавается. И се яве видети в дъвоих суседех — у сих сватьбу творять, а у других мрътвьца плачють ся: и ть же плачь суетьны — дньсь плачють ся, а утро упивають ся» (стр. 168—169). Но Пчела словами Богословца предостерегает от отчаяния, вселяет надежду на лучшее будущее: «Ни при

печали отчаися славы, ни при славе гордиися» (стр. 415). В русской редакции Пчелы приводится совет Александра: «Смерен буди при славе, а при печали мудр» (Пчела Роз., стр. 72; то же в старшей Пчеле, стр. 179). В обеих редакциях Пчелы Богослов предупреждает: «Ни печаль без утешения, ни радость без наказания» (стр. 157; то же в Пчеле Роз., стр. 74, где лишь вместо «наказания» читаем «наказания»). В «Словесах избранных» (XVII в.) — вариант этой мысли: «Сласти бо хотя, а горести не избежати» (Пчела Роз., стр. 125). На этой оценке жизни основан библейский рассказ о перстне Соломона, глядя на который царь «от радости удержашеся, а от печали веселяшеся», потому что в жизни «все минет» (этот рассказ вошел в «Цветы сельнии», стр. 100). И основной тезис этого размышления, выраженный в форме афоризма, и разъясняющие его бытовые примеры нашли отражение в пословицах. В записях XVIII в. мысль о том, что не следует веселиться, выражена в пословице: «При печали не будь печален, а при радости не будь радостен» (Петр., стр. 33; Татищев, стр. 61). Мысль книжного изречения о том, что всякое веселье кончается плачем, в пословицах выражается то ближе к книжному источнику («Всякая земная сладость обращается в плач» — Паус, стр. 42), то получает общий смысл — горе и радость живут рядом, чередуются: «Вечер водворится плач, а заутра радость», «Веселие не вечно и печальное конечно», «Ни радость вечна, ни печаль бесконечна» (Симони, стр. 87, 86, 124); «Радость без печали не бывает» (Паус, стр. 42); «Ни печали без радости, ни радости без печали», «За весельем горесть ходит по пятам» (Даль, стр. 869); «Где чаеся радостно, там встретится горестно», «Счастье и несчастье двор обо двор живут», «Где радость, тут и горе, где горе, там и радость» (Даль, стр. 69, 67, 149). Аналогию к бытовому примеру книжного афоризма, противопоставляющего свадьбу похоронам, дает пословица: «Ваши играют, а наши рыдают» (Даль, стр. 63).

Хотя афоризмы и предупреждали, что печаль в жизни неизбежна, однако они советовали не поддаваться ей, не впадать в уныние. Словами Соломона (Притчи, гл. 25, ст. 20) Пчела поясняет вред печали: «Яко моль ризе и червь древу, тако и печаль мужеву пакоститъ сердцю» (стр. 251). Это изречение рано было усвоено русской литературой. Уже «Слово» Даниила Заточника в старшей редакции включает его: «Молеве, княже, ризы едят, а печаль — человека». А в Чудовском списке «Слова» использован другой образ: «Ржа ест железо, а печаль — ум человеку» (стр. 13, 63).

В старинных записях пословиц находим такие варианты этого афоризма: «Яко червь сушит древо, так печаль губит сердце», «Железо съедает ржа, а сердце погубляет печаль», «Ржа съедает железо, а печаль — сердце», «Яко червь в древе, тако кручина в сердце» (Симони, стр. 161, 100, 194, 203). Записи Даля помнят все три сравнения (моль, червь, ржа): «Моль одежу ест, а печаль — сердце (вар. печаль — человека)», «Что червь в орехе, то печаль в сердце», «Ржа железо ест, а печаль — сердце», «Железо ржа поедает, а сердце печаль изнурует (вар. сокрушает)» (Даль, стр. 141, 140).

К размышлениям о жизни относится изречение Сираха, вошедшее в Изборник 1076 г.: «Лучше есть смерть паче живота горька» (стр. 352). Близкий вариант этого изречения вошел в Пчелу под именем Софоклита, хотя в греческом оригинале он, как и в Изборнике, приписан Сираху: «Луче есть смерть паче живота продолживъшася и паче болести беспредстанные» (стр. 400). Сходный совет дается от имени Сократа: «Уне славну мужьскы умрети, нежели жити с срамом»

(стр. 407). Среди изречений Менандра читаем сходные: «Уне есть умрети, имже житие укоризну приносит», «Жизни злы унше есть смерть» (стр. 19, 25). Повторяется это пессимистическое суждение и в Повести об Акире: «Уне есть человеку добра смерть, негли зол живот» (стр. 65). Ей вторят «Разумения единострочные»: «Жизни злыя смерть паче и бранна» (стр. 408).

В такой общей форме это изречение записал Татищев: «Лучше смерть, нежели странен живот» (стр. 55) — и повторил Даль: «Лучше смёрть, нежели зол живот» (стр. 285). Однако в русском кодексе воинской чести уже в XI—XII вв. лишь смерть на поле битвы предпочиталась бегству или плену.³⁵ Народные же пословицы о смерти и жизни вообще спорят с литературным афоризмом. Уже в старших записях находим такой спор: «Жить — мучится, а умереть не хочется» (Симони, стр. 102, 183); «Жить не можется, а умереть не хочется» (Богданов, стр. 80). В сборнике Даля целая группа пословиц спорит с мыслью книжного афоризма: «Жить горько, да и умереть не сладко», «Жить грустно, а умирать тошно», «Жить тяжело, да и умирать нелегко» и т. п. (стр. 279).

Внушая правила поведения истинному христианину, учительная литература нередко пользуется афоризмом, который образно представляет следствия поступков, прибегая к широко распространенной в средневековой литературе метафоре «сеяние — жатва».³⁶ С этой метафорой именно в данном применении встречаемся в Библии в Притчах Соломона: «Сеющий неправду пожнет беду», «Кто сеет ветер, пожнет бурю» (гл. 22, ст. 8). Ср. в Псалтыри: «Сеявшей слезами в радости пожнут» (псалом 125).

Уже в Прологе по списку XII—XIII вв. из собрания Софийской библиотеки, № 1325 (ГПБ) поучение Иоанна Златоуста о смерти, под 27 февраля, заканчивается изречением: «Яко бо кто всеет, тако и пожнет».³⁷ То же изречение находим в толковании книги пророка Осии (к гл. IV, ст. 8), где библейское выражение «грехы людии моих изъядут» толкуется так: «Греси людстии се суть — еже каждо сееть, то же и пожнет».³⁸

Древность этого афоризма, который приводится иногда со ссылкой на святое писание, доказывается тем, что его применяли и русские, и украинские книжники, причем последние сопоставляли с народными пословицами на ту же тему. Так, в украинском списке Четьи Минеи 1489 г. в «Слове о суднем дни» читаем: «Слышах бо в святом писмени, а не инях вѣры што ж про то рекло — чим человек съешь, то ж и пожнеш» — и далее писец добавляет от себя народную пословицу: «... которое время свяжеш, тое ж и понесеш».³⁹

В сборниках русских пословиц это книжное по происхождению изречение уже с XVII в. записывается наравне с народными пословицами на ту же тему. Так, в сборнике конца XVII—начала XVIII в. читаем: «Каково кто сеял, таково и пожнет», «Каково посеет, таково и пожнем»

³⁵ Примеры в литературе XII в. см.: В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII веков. Л., 1968, стр. 70—71.

³⁶ В античной литературе это уподобление встречается у Платона, Аристотеля, Цицерона; включали его в сборники афоризмов и византийские писатели (Тимошенко, стр. 60).

³⁷ Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, вып. 4, стр. 114.
³⁸ Н. Л. Тунцкнй. Книги XII малых пророков с толкованиями в древнеславянском переводе. Вып. I. Сергиев посад, 1918, стр. 9.

³⁹ В. Н. Перетц. Исследования и материалы по старинной украинской литературе XVI—XVIII веков. Л., 1929, стр. 98.

(Симони, стр. 111, 115). Здесь же записаны сходные по мысли пословицы: «Какову другу чашу нальешь, такову и сам выпьешь», «Кто чему посмеется, тот тому и пороботится» (стр. 115). В сборниках XVIII в. есть и варианты основного изречения: «Каково засеяно, таково и взойдет», «Кто что сеял, то и жнет» или «Кто что садил, то и вырастет» (Богданов, стр. 84, 89). Записаны и близкие по смыслу, известные в записи конца XVII в. пословицы: «Как кликнешь, так и откликнется» (Паус, стр. 45); «Какову чашу другу налить, такову самому пить», «Как в лесе кликнешь, так и откликнется» (Татищев, стр. 54); «Какову чашу другу нальешь, такову и сам выпьешь», «Как подожжешь дрова, так и горят» (Богданов, стр. 85, 86). В сборнике Даля находим варианты книжного изречения: «Что посеяно, то и взойдет (*вар.* вырастет)», «Где черт не сеял, там и не пожнет», «Что посеешь, то и пожнешь», «Кто посеял, тот и пожал», «Что пожнешь, то и смолотишь», «Что смолотишь, то и смелешь» (стр. 181, 230). Кроме сходных по мысли и записанных в XVII—XVIII вв. пословиц — «Что нальешь, то и выпьешь», «Какову чашу другу налил, такову и самому пить», «Каково аукнешь, таково и откликнется», «Каково в лесу кликнется, таково и откликнется» (стр. 230, 231, 233) — Даль включил большое количество других пословиц на ту же тему: «Как постлася, так и выпался», «Каково сошьешь, таково и износишь» и т. д. (стр. 188, 230—234).

В иносказательной форме евангельские тексты внушают мысль о том, что в жизни не следует требовать невозможного: «Всяко древо доброе плоды добры творит, а злое древо плоды злы творит», «Не может древо добро плоды злы творити, ни древо зло плоды добры творити» (Матфея, гл. 7, ст. 17, 18). В общей форме то же суждение в Евангелии Матфея выражено короче: «От плода бо древо познано будет» (гл. 12, ст. 33; вариант: «От плода их познаете их» — гл. 7, ст. 16). Евангелие Луки по-своему развивает мысль о связи плода с деревом: «Всяко бо древо от плода своего познается: не от терния бо чешут смоквы, ни от купины емлют гроздия» (гл. 6, ст. 44). Вряд ли эти иносказания следует понимать расширительно, как определение закона наследственности. Учительная литература настойчиво возражала против утверждения, будто человек от природы — «естеством» — рождается добрым или злым. В Пчеле особый раздел посвящен теме «О благородии и о злородьи» (стр. 368—372). Здесь основная мысль выражена словами св. Василья: «Не рци ми: прадеды имам славнии, отци. Истиньнии бо закон своим житием велить комуждо хвалитися» (стр. 369).

В русской литературе вариант изречения из Евангелия Луки находим в редакции XIII в. «Моления» Даниила Заточника: «Сука не может родити жеребятне — аще бы родила, кому на нем ездити» («Слово» Даниила Заточника, стр. 72). В старинных сборниках сходные мысли выражаются иными, чем в книжных афоризмах, образами: «От худые птицы худые и песни», «У свиньи не родятся бобрыньки, те же поросоньки» (Симони, стр. 153, 199).

Большой подбор пословиц на данную тему дает сборник Даля: «Не родит верба груши», «В бор не по груши — по еловы шишки», «Каково семя, таков и плод» (стр. 182), «От яблоньки яблочко, а от ели шишка», «Каково деревце, таковы и яблочки», «От доброго корня добрая и отрасль», «От доброго дерева добрый и плод» и т. д. (стр. 721). Народная пословица четко проводит мысль о потомстве.

Советуя не требовать невозможного, книжные изречения учили обдуманно начинать всякое дело, предвидя, к чему оно ведет. Старший афоризм на эту тему русский читатель нашел в Библии, где псалом 117 вну-

шал: «Всякия вещи (*вар.* дела) видех конць» (Амфилохий II, стр. 372). В Изборник 1076 г. под именем Исихия включено изречение: «Всякого дела коньць пред началъм распытай» (стр. 275), хотя тут же смысл изречения ограничен его религиозным истолкованием: «Днь и ношьт к коньчьному же дњи възираи выну». Это заключение в отдельных списках изречений Исихия опускается. В Пчеле от имени Фаворина приводится вариант афоризма Исихия: «Достоино нам конецъ вещи преже смотривше и тако начатъе их творити» (стр. 25), поэтому Прокопий ритор заключает: «Мужьскому добродееанию знаменье бываетъ не почианье дел, но скончание» (стр. 15).

В народных пословицах отражены обе темы афоризмов, т. е. начиная дело, думать о конце и каждое дело завершать. «Начало благо — конец потребен» (Симони, стр. 124; Петр., стр. 31; Даль, стр. 499); «Не жди начала — жди конца» (Симони, стр. 127); «Не смотри начала — смотри конца» (Петр., стр. 32; Даль, стр. 496); «Конецъ дело покажет и блажит», «Умно делать — смотреть на конецъ» (Паус, стр. 40, 45); «Конецъ венчаетъ дело», «Не смотри начала — жди конца» (Татищев, стр. 54, 58; Даль, стр. 498). Несколько вариантов приводит Даль: «Плохое начало, что не видать конца», «Не дорого начало — а похвален конецъ», «Умел начать — умей и кончать», «Добрый конецъ всему делу венецъ», «Какое начало, таков и конецъ», «Доброе начало не без конца» (стр. 495, 496, 498, 499).

Довольствоваться малым и не гнаться за большим учит Повесть об Акире премудром: «Уне есть един вработи, иже в руже держиши, негли тысяща птича, летяща по аеру», «Ближнее овчя уне есть негли далней вол», «Уне есть коноплян порт, иже имеши, негли брачинен, его же не имеши» (стр. 67). В редакции XIII в. «Моления» Даниила Заточника читаем вариант первого афоризма Повести об Акире: «Лучше бы ми воробей испечен приимати от руки твоеи, нежели боранье плечо от государей злых» («Слово» Даниила Заточника, стр. 61). В переделке этой редакции по спискам XVI и XVII вв. иной вариант: «Луче един воробышек в своих руках, нежели лебедь ис чужих рук» (стр. 105). Сходно изречение в русской редакции Пчелы: «Сыну, лучеши есть у себя видети во своей руже жаворонок держати, нежели а и в чужой и жеравль видети» (Пчела Роз., стр. 65).

В старинных записях соответствующая пословица не сохранилась; у Даля же находим: «Не сули журавля в небе, а дай синицу в руки», «Синица в руках лучше соловья в лесу (*вар.* Не сули бычка, а отдай чашку молочка)» (Даль, стр. 651).

* * *

Праздность и лень безусловно осуждаются учительной литературой, как и народными пословицами. Группа поучений-«слов» «о ленивых и сонливых» подробно изображает последствия лени; одно из поучений заключает рассказ таким предупреждением: «Леность бо всем злым делом мати есть: аще бо что и доброты имаши, то леность погубляет, а инех добродетелей не даст совокупити; аще бо и богат будеши, а ленив, то оскудееши». «Поучение ленивым иже не делають», приписываемое Василию Кесарийскому, подкрепляет ссылкой на Апостол осуждение лени: «Ленивый же да по Апостолу не яст».⁴⁰ Оба эти вывода о лени в несколько ином изложении стали знакомы русскому читателю по Изборнику 1076 г.,

⁴⁰ Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, вып. 3, стр. 92.

где первое рассуждение от имени Исихия приведено в следующей форме: «Мати зълъмь леность: доброты бо, яже имаши, крадеть, а их же не имаши, не дасть обрести» (стр. 287). Второй вывод от того же имени передан ближе к первоисточнику — Апостолу: «Праздньный же да не ясть» (стр. 286).

Пчела в старшей редакции, осуждая лень, восхваляет труд; от имени Каркина приведено следующее рассуждение: «Никтоже не притяжа хвалы сладостию, и никтоже мужь ленив хвален, но труд раждает мужьство» (стр. 271). Святому Василию приписано изречение: «Праздньство кроме ествства есть» (стр. 270). С этим афоризмом перекликаются слова Плу-тарха: «Ествственное добродееание истлеваает леность» (стр. 271). Хилис-кос, подобно поучениям о ленивых, предупреждает о материальном вреде лени: «Не можеш, блудно сы, леностью притяжати, еже трудом добыша» (стр. 271—272).

Поздняя русская редакция Пчелы приводит изречения о лени, более близкие к «словам» о ленивых, — «Лености бегаи, аки зла друга» (Пчела Роз., стр. 56) — и вписывает афоризм Варнавы, известный по отдельным спискам изречений этого автора: «Ленивыи горей есть болнаго: болныи бо, аще лежить, то не ясть; а ленивыи и лежить и ясть» (Варнава, стр. 12; Пчела Роз., стр. 35). Менандр строго осуждает лень: «Праздньность велико есть зло человеку» (стр. 19, 22). Характеристика лени в пословицах приближается к той характеристике, которая дается в «словах» о ленивых и в Изборнике 1076 г. Первому их афоризму — «Леность бо всем злым делом мати есть» — соответствуют изречения: «Праздньность мать пороков» (Даль, стр. 500);⁴¹ «Лень мужа портит, а встан ево кормит» (Симони, стр. 118). Подобно учительной литературе, пословицы предупреждают, что лень ведет к бедности: «Леность наводит бедность» (Симони, стр. 118). В том же сборнике конца XVII в. находим варианты этой мысли: «Ленивой пьет воду», «Ленивого и по платью знать» (Симони, стр. 116), — а также в сборниках XVIII в.: «Лень мужа не кормит, только портит» (Петр., стр. 30); «Лень мужа не накормит» (Татищев, стр. 55; Богданов, стр. 93); «Леность мужу нищету наводит», «Лень мужа портит, а встанье ево кормит» (Богданов, стр. 93). В записях Даля есть несколько вариантов мысли о том, что лень ведет к бедности: «Лень добра не деет», «Станешь лениться — будешь с сумой волочиться», «Лень к добру не приставит» и т. д. (стр. 505—507).

Второй книжный афоризм — «Праздньный (ленивый) да не яст» — также перекликается с пословицами: «Хочешь есть калачи, так не сиди на печи», «Лень без соли хлебает», «На чужую работу глядя, сыт не будешь» и т. п. (Даль, стр. 502, 507, 508).

Подобно «словам» о ленивых и сонливых, образ ленивого в пословицах дается в сатирических и насмешливых тонах. Даль в разделе «Работа—праздньность» кроме нравоучительных пословиц типа «Без дела жить — только небо коптить», «На полатах лежать — так и хлеба не видать», «Сонливого не добудишься, а ленивого не дошлешься» и т. п. (стр. 500—506) приводит и открыто насмешливые описания поведения ленивого: «Тит, поди молотить! — Брюхо болит. — Тит, пойдем пить! — Бабенка, подай шубенку», «Тит, поди молотить! — Брюхо болит. — Тит, поди кисель есть! — А где моя большая ложка?» (стр. 505) и т. д. Противопоставление трудящегося праздному, ленивому всегда непримиримо осудительно в народных пословицах: помогать ленивому, кормить его — они никогда не советуют; поэтому ленивый и жалуется в по-

⁴¹ В. И. Даль определяет это изречение как переводное.

словице: «Спишь, спишь, а отдохнуть не дадут» (стр. 501), «У ленивого что на дворе, то и на столе», «У нашей непряхи ни одежды, ни рубахи» и т. д. (стр. 503).

Обращаясь к афоризмам, направленным на осуждение пьянства, старшую подборку их для русского читателя мы находим уже в Изборнике 1076 г. Не ограничиваясь чисто религиозной оценкой пьянства — «Пиянице цесарьствия бо жия не наследствуют», «Не упивайте ся виньмь, в немь же несть спасения», «Горесть души мед пнем мьног», «Мрак и тьма ест души пиянство в погыбель» (стр. 685), — Изборник приводит выписки из беседы Василия Великого «Против упивающихся» (стр. 819), сурово осуждающие пьянство и дающие яркий образ пияницы. Влияние пьянства на все поведение человека представлено в лаконичных, но метко выраженных определениях: «Пиянство . . . крепькааго страшива показуеть, целомудрьнааго блудьника сътворить, правды не весть, съмысл отъемлеть». Завершает это описание вреда от пьянства афоризм: «Яко же вода супротивь есть огну, тако же безмерие медвьное съмысл погашаеть» (стр. 679). Продолжая раскрывать воздействие пьянства на физическое самочувствие человека, Беседа возвращается к вредным последствиям его для психики: «Мужь, страшн быв ратьным, смеху бываеть детьм на улицах; медвь съвржен бысть с коня безжделеа, не от ратьных убиен бысть», «Пиянство бо есть съмыслу раздрущение и пагуба, крепости тья, в мало дньи даюшти живот, а в борзе даюшти съмьрть» (стр. 683, 684).

Итак, «Мед в веселие дано бысть богьм», но вредно пьянство. Поэтому под именем Исихия приводится «наказание» (в греческом оригинале принадлежащее Нилу Синайскому): «Пии мед по малу: елико бо е съкрачаеш, то благодеть ти е и незапинани[е] творить». Вариант этого «наказания» представляет совет св. Нила о въздержании: «Пии вино помалу: елико бо скудо пиеть ся, толико благо твори пиющим» (Изборник 1076 г., стр. 706—708, 280, 622).

* * *

Христианская литература отнюдь не запрещала употребление вина — «вино веселит сердце человека» (Симони, стр. 84). Апостол Павел сделал добавление к этому тезису: «Мед в веселие дано бысть богьмь, а не на пиянство сътворено бысть». Это суждение было внесено в Изборник 1076 г. (стр. 686). Так возникло большое число учительных «слов» против пьянства и отдельных афоризмов, осуждающих его.

Два вредных последствия пьянства особенно резко и настойчиво подчеркиваются книжными изречениями: пьянство отнимает ум; оно разоряет человека. От имени Василия Великого Изборник предупреждает: «Пиянство бо есть съмыслу раздрущение и пагуба», «Делатель пияница не обогатееть» (стр. 684, 685). Те же мысли в основном повторяются и в более поздних сборниках изречений.

Пчела не возражает против умеренного употребления вина. Именем Евагрия надписан афоризм: «Вино мерьно укрепляет тело, а душу слово божие». И св. Василий напоминает: «Мера потреби виньныа на пользу телу» (стр. 260). Поздняя русская редакция Пчелы повторяет эту мысль: «Вино на потребу бог створи и на здравие телу всякому, а не на пьянство», «Бойся не вина, но упийства» (Пчела Роз., стр. 40, 58). «Цветы сельний» также призывают к умеренности: «Будеши пити в меру всего, да трезв будеши» (Пчела Роз., стр. 109). Все эти сборники афоризмов продолжают учить воздержанию, умеренности, чтобы от «многого

пития» не потерять ум и богатство. Св. Василий в Пчеле наставляет: «Якоже вода противиться огню, тако же и без меры вино и мысли потопляеть умныя». Выписка из Климия изображает пьяного: «Всякий мужь упивься повинен есть ярости, а умом тощя, а велик язык простираеть вьсуде глаголати, яже волею бы не глаголаал» (Пчела, стр. 260). Софоклис советует: «При питьи не мудрися, ни много глаголи, показая наказание, гневная бо изречеши» (стр. 264). В сборнике изречений Менандра читаем: «Вино, много пиемо, мало дает смыслити», «Вино не дасть всегда строину уму быти», «Много вино пиемо много нудить глаголати» (стр. 13, 14). Изречения Исихия и Варнавы сравнивают пьяного с больным: «Пьяныи горее есть болнаго: он бо на нов месяць беситься, а сеи самохотью по вся дни беситься» (стр. 14). И только Повесть об Акире как бы ограничивает эти утверждения: «Уне есть послушати пиана мудра, нежели трезва безумна» (стр. 63).

Итак, пьянство отнимает ум и делает человека болтливым. Афоризмы и после Изборника напоминали также, что пьянство разоряет. В Пчеле приведено изречение Соломона: «Не буди винопийца: всяка бо пияница обвиняет, в издраная и в искропаная облечеться» (стр. 259).

Народные пословицы повторяют и в старших, и в поздних записях книжные афоризмы о том, что вредно не вино, а пьянство: «Вино веселит сердце человеку», «Невинно вино — виновато пьянство» (Симони, стр. 84, 128). Татищев записывает: «Невинно вино, но проклято пьянство» (стр. 57). У Даля находим повторение этих пословиц: «Вино веселит сердце», но «Невинно вино, а проклято (вар. виновато) пьянство», «Не винит вино, винит пьянство» (стр. 802).

Много пословиц, как и книжные изречения, изображают вредные последствия пьянства: «Любяи вино и масло не обогатится», «Пить до дна — не видать добра», «Пить много винца — не видать добраца» (Симони, стр. 118, 134, 192, 199). «Пить до дна — не видать добра» — самая популярная в ряду пословиц о материальном вреде пьянства (см.: Петр., стр. 33; Богданов, стр. 105; Даль, стр. 798). Книжному напоминанию, что пьянство «смыслу разрушение», в старшем сборнике пословиц соответствуют афоризмы: «Не пей много вина — не истеряешь ума», «Хто пьет до дна, тот живет без ума», «Полно пить — лутче ум копить» (Симони, стр. 125, 151, 186); «Пить до дна — не видать добра»;⁴² «Пьянство добра не доводит» (Петр., стр. 33). Татищев записывает: «Невинно вино, но проклято пьянство» (стр. 57; Богданов, стр. 100). У Богданова отмечены и варианты пословиц конца XVII в.: «Вино не винить, но — пиянство», «Не вино винит, но пьянство» (стр. 70, 100). Даль записывает и книжное изречение: «Вино веселит сердце», но повторяет обвинение пьянства: «Невинно вино, а проклято пьянство», «Не винит вино, винит пьянство». В сборнике Даля повторяются эти пословицы и их варианты: «Пить до дна — не видать добра», «Пить добро, а не пить лучше того», «Выпьешь много вина, так поубавится ума», «Вино сперва веселит, а там без ума творит», «Пить — пей, только ума не пропей», «Не жаль вина — жаль ума», «Вино с разумом не ладит» и т. п. Впрочем, иногда пословица спорит с этими изречениями: «Пей до дна — наживай ума», «Чарка вина прибавит ума» и даже — «Пьян бывал, а ума не пропивал» (Даль, стр. 794, 795, 798, 799, 802).

Книжные афоризмы осуждают, как выше показано, излишнюю болтливость пьяного. Устные пословицы относят это осуждение пре-

⁴² Паус, возможно, по ошибке записал: «Не выпивать до дна — не видать добра» (стр. 44).

имущественно к привычке пьяного быть излишне откровенным, говорить то, что трезвый лишь подумает, но о чем он промолчит. Уже в старших записях отмечена пословица, которая доживет и до сборника Даля: «Пьянова речь, а трезвова мысль» (Симони, стр. 134; Петр., стр. 33; Татищев, стр. 61; Богданов, стр. 108; Даль, стр. 794, с вариантом: «Трезвого дума, а пьяного речь»). Даль записал и другую пословицу на ту же тему: «Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке» (стр. 794; у Богданова записан явно ошибочный вариант: «Что у ково на мысли, то у тово и на языке» — стр. 117). У Даля есть и варианты: «Пьяный что малый: что на уме, то и на языке», «Чего трезвый не скажет, то пьяный развяжет» (стр. 794). Пословица высказывает и общее суждение о речах пьяного: «Вешний путь не дорога, а пьяного речь не беседа» (стр. 800).

Высоко оценивая ум (см. выше стр. 27—29), пословица рано проявила снисходительное отношение к пьянству умного, уважительно относясь к тому, кто, и напившись, не теряет ума: «Пьян да умен — два угодыя в нем» (Симони, стр. 135; Петр., стр. 33; Татищев, стр. 61). Богданов записал расширенный вариант: «Пьян да глуп — так больше бьют, а пьян да умен — два угодыя в нем» (стр. 105). У Даля с небольшой перестановкой повторяется именно этот вариант: «Пьян да умен — два угодыя в нем; пьян да глуп — так больше бьют» (стр. 795).

Рядом с безоговорочным осуждением пьянства христианская учительная литература, вслед за античной, выработала наставления пьющему, в которых разъясняется, как и почему вредно действует на человека уже вторая чара вина.

Учительная литература признавала допустимыми лишь узаконенные святыми отцами три чаши, те, что выпиваются за трапезой во время пения тропарей. Эту мысль развивает св. Василий в «Слове, како подобает въздръжатиcя от пианства». Четвертая чаша, наставляет Василий, — «от неприязни», хотя после нее еще продолжают «беседы благы» и «господие велиции» становятся милостивыми, готовыми помогать нищим. Зато «егда испьют 7-ю чашу, еже есть богопрогневателна», тогда начинаются «свары и лаяния, и за власы рвания, ин кровопролитие и убийство, ин же любодееяние и блуд, и всяку нечистоту и студи, ин же высокоумие и гордость...» Подробно описывается физическое состояние пьяного, испившего «бесовскую чашу»: «Зажжет вся внутренняя его, и начнеть утроба палима быти, гортань пресыхати, слины изгарати, устне спипатися, на губах смага спадеть, и тело все загорится, и в лице огнь явится, язык одеревянет, гортань ожестеет, очем зрак минет, уму сила оскудеет...» Таким натуралистическим портретом проповедник стремится предостеречь слушателя от «богопрогневательных чаш» вина.⁴³

О разном действии выпитых чаш предупреждали и сборники афоризмов. Пчела познакомила русских читателей с выпиской из Анахарсиса на эту тему: «Егда сядеши в пиру, первую чашу испьеши здоровью, а вторую — сладости, а третью — безумью, а последнюю — бесовствию» (стр. 263). К этому добавлено изречение Софоклиса: «Лоза три розгы ражаеть: первыи — с сластию, вторыи — пьянства, третьюю — безумью» (стр. 264).⁴⁴

⁴³ Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, вып. 3, стр. 95—96.

⁴⁴ В письмах Фотия есть толкование басни Эзопа о трех виноградных кистях, созданных Дионисом: «Первую он взял себе, вторую отложил в подарок Афродите, а третью оставил на долю Спеси». Фотий толкует эту басню применительно к пьющим вино: «Первая гроздь предназначается для того, кто пьет вино только в меру своей жажды. А если кто, утолив жажду, все же продолжает пить вино уже от второй грозди, то хоть он и остается человеком, но равновесие свое теряет, позволяет увлечь себя

Русская старообрядческая литература XVIII в. по-своему развила эту мысль о трех виноградных лозах. В сборнике библиотеки Саратовского университета, № 2128, конца XVIII—начала XIX в., после л. 47, вклеен маленький листочек, на котором скорописью второй половины XVIII в. написан следующий текст: «Виноградная лоза три кисти носит: первую — увеселения, вторую — буйства, а третью — раскаяния. Еврейския раввины пишут, что Ной насадил виноград, взял кровь из совы, из обезьяны и из льва и поливал оною виноградныя лозы, от чего произошло, что когда люди бывают пьяны, то некоторые, уподобившись сове, всю ночь просиживают, шумят и дерутся, другие бывают смешны, как обезьяны, а третьи видом и свирепством льву уподобляются».

Среди многочисленных поговорок на тему о воздействии вина на человека Даль записал целый рассказ о десяти чарках: «Первую пить — здраву быть, вторую пить — ум повеселить, утроить — ум устроить, четверту пить — неискусну быть, пятую пить — пьяну быть, чара шестая — мысль будет иная, седьмую пить — безумну быть, к осьмой приплести — рук неотвести, за девятую приняться — с места не подняться, а выпить чарок с десять — так поневоле взбесят» (стр. 797—798). Как видим, и здесь, как в «слове» св. Василия, первые три чарки даже полезны.⁴⁵ Есть у Даля и краткий вариант: «Чарку пить — здорову быть, повторить — ум развеселить, утроить — ум устроить, много пить — нестройну быть». Есть и еще более короткие варианты, по-книжному ограничивающие число чарок тремя: «Первая чарка крепит, вторая веселит, а третья морит», или: «Одна рюмка на здоровье, другая на веселье, третья на вздор»⁴⁶ (Даль, стр. 797).

II

Мы отобрали из древнерусских сборников афоризмов и из учительной литературы материалы, характеризующие взгляды на внутренний мир человека и его взаимоотношения с окружающими. Были отобраны те материалы, в которых этические и психологические представления человека выражаются независимо от их религиозной мотивировки и которые одновременно сохраняли свое воздействие вплоть до наших дней. Широкую распространенность этих представлений, оценок и требований можно доказать разными путями: найти их слегка измененные варианты среди устных пословиц, записанных в конце XVII—XIX вв.; указать на современное литературное употребление многих из них; установить, что, независимо от книжных источников, в народной пословичной традиции возникали и веками жили аналогичные представления, моральные оценки и требования.

в неистовства Афродиты и получает посвящение в таинствах распутства. ... есть еще третья гроздь, и над ней-то уместнее тебе излить свое сострадание и скорбь, потому что эта чаша делает того, кто ее пьет, невольником, поработленным Спесью, и извергает его из общества свободных людей в рабскую долю» (Басни Эзопа, стр. 193).

⁴⁵ С незначительными словарными отличиями П. И. Мельников-Печерский включил эту серию поговорок в застольную речь купца-старообрядца в романе «В лесах» (книга вторая, М., 1955, стр. 413).

⁴⁶ В отличие от этих вариантов, все же признающих вредное действие третьей чарки, есть у Даля пословицы, полностью оправдывающие любое число чарок-рюмок: «Первую как свет, призвав друга в привет; вторую перед обедом — с ближним соседом; третью — с молодцами, пополуни, и то в праздник, а не в будни»; «Одну выпьешь — боишься, другую выпьешь — боишься, а как третью выпьешь, уж и не боишься»; «Первая рюмка колом, вторая соколом, а остальные мелкими пташками» (стр. 798).

С психологическими наблюдениями, с элементами человековедения, заключенными в древнерусских поучениях и афоризмах, связан вопрос об элементах реалистичности в изображении действительности в памятниках древнерусской литературы, — вопрос, по поводу которого так горячо спорили в последние годы.⁴⁷

В чем же заключается вклад этого вида древнерусской литературы (основное назначение которого было, несомненно, строго практическим) в подготовку почвы для создания литературных характеров?

Суть воззрений учительной литературы на душевный мир человека можно передать следующими положениями:

человек «самовластен» — своей волей совершает поступки, ведущие к добру или злу, к правде или неправде;

именно «деяния» определяют положительную или отрицательную оценку данной человеческой личности;

из всех свойств человека самым ценным признается ум («разум», «смысл») — он лучше видит, чем зрение, лучше слышит, чем слух;

вместе со словом разум отличает человека от животного, ум следует развивать «наказанием» (учением), а словом надо пользоваться с осторожностью, помня его силу, которая может быть и полезна, и вредна человеку;

труд — основа жизни («праздный да не яст»), отсюда резкое осуждение лени, праздности, пьянства — всего, что отвлекает от труда;

человек обязан уметь владеть собою, быть искренним, нелицеприятным в отношениях с окружающими, помогать каждому, кто нуждается в помощи, не рассчитывая, «достойн» ли он ее.

Все «страсти», нарушающие эти нормы человеческого поведения, глубоко анализируются с точки зрения их вредного воздействия и на самого человека, и на его близких.

Когда учительная литература и в ее составе афоризмы показывают человеку, каким он должен быть, они подчиняют свои требования «этикету» — христианской этике в ее феодальном варианте. Но когда они описывают реальное поведение человека (уже независимо от этого этикета), перед нами раскрываются сложность «нрава», «помыслов» и поступков человека, трудности человеческих взаимоотношений, несправедливости социального строя. Учительная литература смелее и глубже, чем другие жанры средневековой русской литературы, раскрывает временное в жизни и отдельного человека, и целых групп людей, хотя в своей оценке этого временного исходит из определенных, с точки зрения средневековья, вечных норм. Эти нормы, однако, далеко не всегда определяются социальным положением того, кому предъявляется данное требование, дается совет, предостережение (богату, властелину, судьбе и т. д.). В учительной литературе многое обращено к человеку вообще, независимо от занимаемого им места в обществе. Здесь гораздо яснее выступает воздействие на поведение человека обстоятельств его частной (личной) жизни: он представлен не в обстановке важных исторических событий, где все его поведение изображается в соответствии с требованиями эпохи, а в условиях повседневного быта. И в этих условиях человек должен помнить о «вечном». Но учительная литература показывает человека не только таким, каким он должен быть, но и таким, каков он на самом деле, учит его вдумываться в свой «нрав», в свои «помыслы», направлять к «должному» свои поступки. Именно эти задачи учительных

⁴⁷ Об итогах дискуссии по этому вопросу см.: Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси. Изд. 2. М., 1970, стр. 157—158 (Далее: Человек в литературе).

жанров делали их независимее от литературного «этикета», от условности «плетения словес», обильной и обязательной символики. В изображение отрицательных черт в поведении человека с особой силой вторглась реальная жизнь.

Авторы поучений и афоризмов на темы «человековедения» зачастую не ограничивались высказыванием той или иной оценки или обращенным к читателю-слушателю призывом выполнять определенные требования, но стремились придать этим оценкам и призывам наиболее доходчивую и впечатляющую форму. Для этого использовались бытовые сопоставления или противопоставления, иногда развертывавшиеся в целые картины, яркие выразительные метафоры. Сама форма таких «человековедческих» эпизодов привлекала к ним внимание, закрепляла их в литературном языке и делала возможным их перенесение в другие литературные и деловые жанры, а иногда и в круг народных по происхождению пословиц.

Краткий, отточенный афоризм, обобщающий жизненные наблюдения и среди них те, которые прямо раскрывают характеры людей и их взаимоотношения, иногда оказывался настолько впечатляющим и по точности смысла, и по своей выразительной форме, что выдерживал испытание временем и сохранялся в живом употреблении до наших дней. Таковы, например, суждения, собранные в Пчеле: «Не место добродетели, но добродетель место может украсить» (Златоуст, стр. 3), «Копали яму под ближним своим въпадется в ню» (Соломон, стр. 47), «Друг верен — кров крепок» (Сирах, стр. 55), «Всею угодити — люто есть» (Сократ, стр. 65), «Именья многа детям безумным не пользуют» (Клитарх, стр. 133), «Уча учи нравом, а не словом» (Богослов, стр. 148), «Не сыпати бисера пред свиньями» (Плутарх, стр. 158), «Наказание корение имеет горко, а плод сладок» (Демокрит, стр. 168), «Не больнаго может ицелити златая кровать, ни несмыслену на ползу слава и богатство» (Плутарх, стр. 176) и т. д.

Подобные афоризмы часто имеют двучленное строение: одна часть их представляет тот или иной конкретный бытовой образ, другая — сопоставляемое с ним психологическое наблюдение; так, например, в Пчеле: «Коньяная хытрость на рати знаеться, а друг верен у беды» (Плутарх, стр. 60), «Злато огнем испытается, а друг житийскими напастями» (Исократ, стр. 62), «Лют конь уздою въздержитъся, а скор гнев умом обуздается» (Плутарх, стр. 187), «Ни птици упущены скоро можеша опять яти, ни слова, из уст вылетевъша, възвратити можеша и яти» (Плутарх, стр. 195), «Злаго мужа молчания блюдиша, якоже отаи хитающего пса» (Сократ, стр. 198), «Яко моль ризе и червь древу, тако и печаль мужеву пакоститъ сердце» (Соломон, стр. 251), «Пути ищи равна, житья же несмущенна и беспечальна» (Плутарх, стр. 253), «Тать ненавидитъ солныца, а гордыи кроткаго» (Лествичник, стр. 280) и т. д.

Афоризм в Пчеле нередко строится на сравнении двучастно по типу «Уне—неже», «Луче—неже», «горьчае—неже», «боле—неже»: «Горьчае языком попользнути, нежели ногами» (Нил, стр. 308), «Уне есть ногами потъкнутиша, нежели языком» (Клитарх, стр. 309), «Ушиа боле требуи, неже языком» (Димонакс, стр. 309), «Испытай себе больма, нежели ближних» (Богослов, стр. 341), «Зла житья луче смерть» (Менандр, стр. 409), «Уне хлеб с сладостью в мире, нежели дом, исполнен многим добром, рать имея» (Соломон, стр. 411), «Брань славна лучьши есть мира скудъна» (Димостен, стр. 412), «Уне жити в пустыни и с змиєю, неже жити с женою лукавою и язычною» (Соломон, стр. 418) и т. д.

В условиях средневекового общества сложились изречения, надолго пережившие феодальную Русь: «Богатым вси человеци друзи», «При

власти многи други обрящеши, а при напасти ни единого» (Пчела, стр. 66, 69). Горькими впечатлениями от несправедливого суда подсказано сопоставление закона с «паучиной» (см. выше, стр. 20). Естественно, что такое изречение опиралось не на богословские нормы, а на реальную действительность.⁴⁸ Многие афоризмы рисуют образ «праведного судии», предупреждают, что лучше осудить виновного друга, чем невиноватого врага, зовут к нелицеприятному суду, однако практика подсказала афоризм, переживший многие века. С XI в. русский читатель знал изречение Иисуса Сираха: «Мзда и дарове ослепляют очи мудрых, да видяштен не видять» (Изборник 1076 г., стр. 362—363). Это метафорическое изображение силы взятки дожило в пословице до XIX в.: «Мзда и мудрых ослепляет очи» (Богданов, стр. 95). Произнося и сейчас пословицу «Слово не воробей: вылетит — не поймаешь» (Даль, стр. 417), мы уже не помним, что это меткое бытовое сопоставление идет от изречения Плутарха, помещенного в Пчеле: «Ни птицы упущены скоро можеши опять яти, ни слова, из уст вылетевша, възвратити можеши и яти» (стр. 195).

Сопоставление иногда разрастается в целую картину, которая выразительна и сама по себе, независимо от того «человековедческого» вывода, который делает на ее основе автор. Например, в разделе «О чистоте и о целомудрии» помещена обширная выписка из «слова» Златоуста, доказывающая, как вредно действует на мужей «женская приближенья». Вся первая часть этой выписки изображает, как можно обессилить льва: «Яко же кто, им льва, гордаго и грознаго его зря, и потом постриг его гриву и исторвав его зубы, и отрезав ногти, срамна его створить и смешна, древле страшнаго и нестерпимаго, и единымь рыканьемь вся потрясающаго, тако же и женская приближенья» изменяют мужей, которые становятся «мягци, безъстудни, бесмыслени, гневливи, сурови, раблични, несвободни, жестмци. . .» (Пчела, стр. 28).

Какие обобщенные безымянные типы представляли перед читателями учительных жанров? Обычно в заглавиях поучений и разделов сборников афоризмов типа Пчелы называются те понятия, о которых пойдет речь (о богатстве и убожестве и о сребролюбии, о лжи и о клевете и т. д.), однако и в самом содержании перед читателем вырисовываются образы людей, в характере и поведении которых обнаруживаются проявления этих понятий. В изображении носителей определенных качеств мы найдем не только «представления о том, каким должен быть этот человек» именно в отношении к данному качеству, но и вполне отчетливое, резко отрицательное описание того, каким он на самом деле бывает. И если прав Д. С. Лихачев, утверждая, что в идеализирующих жанрах «представления о должном и о сущем» отождествлялись (Человек в литературе, стр. 104), то в учительных жанрах «предпочтения дедукции индукции» (там же) отнюдь не наблюдаются. Наоборот, поучения и афоризмы с особым вниманием детально анализируют «сущее», чтобы привести читателя к мысли о необходимости осуществлять в жизни «должное».

Безымянные «богатый, сильный», «убогий, простой», «ласкавьць», «клеветник», «сребролюбьць», «учитель», «друг», «ярый гневный», «пьяница» и т. д. наделены такими реалистическими чертами, что отрица-

⁴⁸ Крайнюю форму выражения этого отношения к закону со стороны властей находим в повести «Александрия»: во время пребывания Александра Македонского в Индии ему показали два чудесных древа, говорящие человеческим голосом. Одно из них предсказало ему смерть в Вавилоне. Александр «помысли добры венца положити на дрехех», но иереи сказали ему: «Не достонть сего творити. Аще ли на сильем творити, твори еже хоцещи: цареви всяк закон не писан» (В. М. Истрин Александрия русских хронографов. М., 1893, Приложения, стр. 88).

тельная оценка нарушений ими «должного» становится вполне убедительной. Глубина психологической наблюдательности обнаруживается чаще всего именно в изображении отступлений от «должного», и сама необходимость стремиться к этому «должному» прямо вытекает из осуждающего описания нарушений его.

В учительной литературе можно найти развернутые характеристики разного типа. Одни дают подробное описание внешних проявлений того или иного настроения, с тем чтобы уже один внешний облик человека, обуреваемого данным настроением, убедил читателя в необходимости преодолеть в себе таковое. Включенный в раздел Пчелы отрывок из поучения Златоуста «О ярости и о гневе» содержит портрет человека, одержимого яростью: «Егда бо ярость в перьсах разгориться, и станет, и въздичает, тогда бо огонь будеть во устех, и очи искры испущаета, а лице одметься все, а руде с бещестьем простираетася, и нозе смешно преходита и скачета сквозе держащих, и пены из уст идуць аки от бесных, и аки дици кони копають и кусають. Воистину бо мужь яр не благообразен», — таким выводом заканчивает автор это описание, осуждая тех людей, которые не умеют сдерживать гнев, ярость (стр. 184—185). Это внешнее проявление ярости делает особенно наглядными общие осудительные рассуждения о ней. Изречение Ариана противопоставляет человека, умеющего сдерживать гнев, тому, кто «покориться ярости»: «Веледушньи суть иже молчаще, без гнева творять творимая. И аще же кто ярости покориться, то достойно блюсти от слепоты их. Ти бо подобни суть болящим огнем зело и не чюющим, что творять или что молвят» (стр. 188). Так раскрывается и душевное состояние «ярого»: он, словно больной и слепой, не понимает, что говорит и что делает. В таком рассуждении содержится источник метафоры «слепая ярость». К положительному выводу — гнев необходимо сдерживать — направляет читателя рассуждение Тииса (в греческом тексте — Дзотионос), сопоставляющее человека, «гневу противящася», с «добрыми кораблями», которые «не при тишине пловуть, но иже при бури спасаеми суть» (стр. 189).

Другой вид развернутой характеристики — подробное перечисление поступков человека, одержимого осуждаемым свойством. Примером может служить выбранное из поучения Златоуста описание жадного к еде в разделе «О чрес сытости чреву угажающе» (Пчела, стр. 246): «Что рыкуть, иже весь день искльчат, на кроватех и на перинах лежаще, съвокупляюще заутрок с обедом, а обед с вечерею, и чрево разъширяют, многоценными пищаами преполняюще и тягостью корабль погружающе».

Третья разновидность характеристик в Пчеле — вдумчивое, детальное описание настроений и поступков, вытекающих из основного порока человека. Пример такого описания — в разделе Пчелы «О зависти». Из поучения Златоуста приведен текст, описывающий завистливого человека: «Ничтоже тако разлучает друга от друга, яко же зависть. Сребролюбець бо тогда веселиться, егда сам возметь, инем же дая, не радуется. Завидливьи же тогда веселиться, егда друга в напасти узрить. То бо его радость, а не егда что добро или богатство будеть. . . Аще что будеть пакостно другу, тогда почить и отдышет, чюжую напасть свою радость мня» (стр. 330—331). И св. Василий обращается с вопросом к завистнику: «Что стонещи, завистливьи, — о своей ли напасти цили о чюжем блазе»? (Пчела, стр. 329). Вредна зависть не только для самого завистника; «зависть бо начало мятежа стваряеть», — утверждает Анахарс (стр. 334).

Вот образ учителя, подтверждающий наставление «Уча учи нравом, а не словом»: «Иже словом мудр, а дело его несвершена, то хром есть.

А иже язык доброглаголив имеетъ, а душа его непоставъна и ненаказана, то неприятенъ есть. Но то правыи, иже малы о добродейнъи глаголетъ, а добродейнъя добре объявляютъ и прилагають веру к своему учению житъемъ своимъ» (Пчела, стр. 148). Итак, тот не учитель, у кого добро только в словах, а не в делах. И афоризм Епихария кратко напоминает: «Учитель нравом да покорить ученика, а не словом» (Пчела, стр. 155). Ненасытность сребролюбца Богословецъ убедительно сопоставляет с неутолимой жаждой того, кто «испытъ зелье»: «Такъ есть недугъ богатства: всегда желаетъ больша, сытости же не имеетъ и толико ищетъ прииманья, елико стяжа. Якоже кто испытъ зелье, им же жажа не престанеть» (Пчела, стр. 127). Жадность сребролюбца бываетъ причиной «лихоимства», неправды, обиды и даже предательства, в доказательство чего Пчела приводитъ рассказъ Диодора о том, какъ царь Филипп, желая взять «градъ твердыи паче всехъ», спросилъ «гражанина», уверявшаго, что «пленити твердостью» городъ нельзя: «Аще и злато не можетъ прелести чрес забралы? Тъ искушенъ бысть, яко их же оружиемъ не възможно пленити, ни воины, то златомъ взята бывають» (стр. 137). Сребролюбецъ не можетъ преодолеть желанье, поэтому «не богатый блажен, но иже богатства не требуетъ», какъ утверждаетъ Демокритъ (стр. 131). Так, из описанья «несытства» какъ главной черты сребролюбца вытекаетъ «должное»: «Иже удобенъ естъственнымъ богатствомъ, то вельми естъ богатеиши много имеющаго и больша желающаго», — заключаетъ тот же авторъ (стр. 132).

Афоризмы, предостерегающие от лицемерныхъ друзей, в Пчеле иллюстрируются развернутымъ портретомъ «ласкающихъ», резко меняющихъ свое отношение к человеку, когда в его жизни «пременение будетъ от богатства на убожество»: «Тогда лица ласкающихъ изменяться, тогда ликъ ихъ лицемерства облича[е]тъся, и ремество ихъ является, тогда уста ихъ отверзаются, языци, иже при власти хваляху, тогда хуляхуть, глаголюще: скверныи кровопивецъ, лукавыи прелюбодей. Не того ли вчера хваляще ласкаху? Не того ли рече лобызасте и предъ ногама его валястесь? Не господомъ и богомъ звасте и? Лицемерство бяше все. И ноне же приде время, отвѣргохомъ лицемерство и явихомъся, каци есмы умомъ» (Пчела, стр. 121).

Для большей убедительности афоризмы, осуждающие лицемерие «ласкавцевъ», сопоставляютъ ихъ то с «враномъ», поедающимъ мертвыхъ, тогда какъ они «живыя души погубляютъ» (Пчела, стр. 123 и 124), то с «псами», съевшими Актеона (стр. 123—124), то с «морскими свиньями» (стр. 125).

Такие более или менее развернутые характеристики не единственный приемъ учительской литературы, темъ более в ее афористическомъ жанре. Чаще цельное представление о человеке, наделенномъ одобряемымъ или осуждаемымъ свойствомъ, слагается из всей совокупности подобранныхъ на данную тему рассуждений и афоризмовъ, а иногда и короткихъ рассказовъ, иллюстрирующихъ выводы.

Эти рассказы, обычно светские по содержанию, иногда напоминаютъ басни, нередко составляютъ эпизодъ биографическаго античнаго писателя, философа, полководца, царя. Остроумный отвѣтъ героя — это приемъ, с помощью котораго рассказъ вводится в цепь рассуждений на тему даннаго раздела. К приведеннымъ выше примерамъ добавимъ еще несколько, которые расширяютъ наше представление о жанрахъ, выполнявшихъ учительныя функции.

Изъ легендарной биографическаго Диогена Пчела вводитъ в разделъ «О житии добродетели и о злобе» следующий рассказъ: «Поноси ему некто, яко по нечистымъ местомъ ходитъ. И отвѣща: И солнце тако же на нечистая места осияеть, но не оскверняется» (стр. 12); ср. пословицу: «Солнце

сияет на злыя и благия» (Симони, стр. 139). В разделе «О мужьстве и о крепости» читаем рассказ о Лаконе: «Сыи поносим не от кого, зане, хром сы, вьшел в полк. Он же рече: Не бегающих потреба ныне, но стоящих. Не ногами бо копати ныне время, но руками бити крепко» (стр. 43). Там же помещен рассказ о царе Александре: «Сеи молим мы от дружины ночью напасти на супостаты. И рече: Не цесарьскыя есть крепости победа» (стр. 43). О нем же повествует и другой рассказ: «Сеи молим сы от дружины прижити чада, и рече: Не скорбите, оставляю бо вам чада — победы, их же doby трудом своим» (стр. 43). Понятия о воинской чести, о мужестве иллюстрирует и еще один эпизод из повестей об Александре Македонском: «Сему идушу на рать, Аристотель рече: Дожди свершена възраста, тогда воюи. Он же рече: Боюся, егда когда, жда свершена възраста, и уностьную крепость испущу» (стр. 43).

Итак, о сложности человеческого характера и поведения, о свойственной им противоречивости, об ответственности человека, свободно выбирающего свои поступки, говорили многие поучения, вошедшие в русскую литературу уже в старшем периоде. Вместе с афористическими сборниками они призывали проверять свои побуждения к поступкам, бороться с дурными «обычаями» — привычками. И если афоризмы в обобщенной форме советовали, предупреждали, осуждали или одобряли тот или иной характер поведения, то «поучения», «слова», «малые притчи» наглядно иллюстрировали общие мысли. Остроумными ответами иллюстрируются рассуждения и наблюдения «о братолюбьи и о дружбе». Так, о Тимонаксе повествуется: «Некто от друг его поношаше, глаголя: Не подобаше тебе дружбы имети с моим врагом. Он же отвеща: Тебе не подобает вражды имети с моим другом» (стр. 58).

Обращает на себя внимание план подобных рассказов: одна сторона в них «поносит», «молит», осуждает, другая дает свое решение, и составитель Пчелы явно на стороне отвечающего. Так строится и рассказ об Агисилаосе: «Некто перескок прииде к нему из немець, а властелем велящим ему поручити вой свои. И рече: Не подобает поручити чужих побегшему от своих» (стр. 72).

Остроумным анекдотом в разделе «О благодете» высмеиваются ложные обещания: «Дионисии цесарь, слушая гудьца, добре гудуща, обеща ему дар дати — капь злата. Утру же бывшу и приде гудець просит обещанаго. Он же отвеща: Ты вчера гуда възвеселил мя еси песньми, а яз тако же обещаньей възвеселил вас. Ныне же отиде от ушью моею веселие твое, а от тебе упованье мое» (Пчела, стр. 89—90).

Если, как справедливо отмечает Д. С. Лихачев, в летописном мону-ментальном стиле XI—XIII вв. были меньше отражены представления о внутренней жизни людей, чем в церковнопроповеднических произведениях XI—XIII вв., то это объясняется различием задач, стоявших перед летописцем и проповедником (см.: Человек в литературе, стр. 156). Добавим, что меньше отражены эти представления и в агиографическом, историческом и повествовательном стиле вплоть до XVII в., хотя отдельные эпизоды в каждой из этих жанровых групп показывают, что наблюдательность, воспитанная у писателей не без воздействия учительных жанров (поучения, афоризмы), проявлялась в метких психологических деталях. Такие детали, бросающие свет на внутренний мир человека, раскрывающие побуждения к поступкам, колебания, сомнения и другие настроения, мы найдем и у летописцев, и у агиографов, и у историков-повествователей. Но до тех пор пока главная задача изображения человека в разных жанрах состояла в том, чтобы показать поступки людей

такими, какими они должны быть, каждый жанр в каждую эпоху и для каждого общественного слоя выдвигал свои определенные программы действий, сосредоточивал внимание на обязательных настроениях, не вдумываясь в то, каковы они были в действительности. А в это же самое время учительные жанры, и в том числе афоризмы, со всей энергией звали человека познать себя и таким путем идти к познанию окружающих. Основной объект их анализа — внутренний мир человека, определяющий его поведение. Эта литература заглядывала и в самые сокровенные уголки души человека. Она тоже учила «должному» и предостерегала от недостойных поступков, но учила, пристально всматриваясь в действительность, размышляя о причинах того или иного поступка или всего поведения человека.

III

Размышления и наставления переводных дидактических произведений на тему «како жити всякому человеку» уже с XI в. начали активно воздействовать на процесс создания русской литературы, причем это воздействие обнаруживается в творчестве и светских писателей. Не только содержание рассуждений учительных памятников о «внутреннем человеке», но и афористическая выразительная форма их сказались уже в старших произведениях, когда они затрагивали вопросы человековедения.

В Лаврентьевской летописи под 1096 г. помещено заглавие «Поученье», за которым следует «грамотица» Владимира Мономаха, представляющая собой наставление, соединенное с автобиографией и рассчитанное на широкий круг читателей: «Да дети мои или ин кто, слышав сю грамотицю, не посмейтеся, но ему же любя детей моих, а приметь е в сердце свое, и не ленитися начать тако же и тружатися». Таким же обращением к читателю заканчивается «Поучение»: «Да не зазрите ми, дети мои, ни ин кто прочет ... Да сю грамотицю прочитаючи, потъснется на вся дела добрая».⁴⁹

Д. С. Лихачев дает этому произведению такую общую характеристику: «„Поучение“ Владимира Мономаха поражает громадным запасом психологических наблюдений, обнаруживает почти поэтическое отношение автора к жизни». Выражение этого отношения в «Поучении» носит на себе следы влияния народной поэзии. В подтверждение этого влияния Д. С. Лихачев приводит из письма Мономаха к Олегу Святославичу «образ горлицы, тоскующей на высохшем дереве», примененный к вдове Изяслава (Человек в литературе, стр. 56). Действительно, этот образ может быть связан с народно-поэтической традицией. Но в самом «Поучении» можно предположительно вывести из этой традиции лишь сопоставление с волками половцев, наблюдавших, как Владимир с дружиной ехал «сквозе полкы половъчские»: «И облизахутся на нас акы волци стояще» (Поучение, стр. 161). Однако собственно учительная часть «Поучения» почти сплошь состоит из прямых или слегка измененных цитат. Автор не скрывает, что общехристианские правила поведения, которые он излагает, опираются на «слова божественая» (он цитирует Псалтырь и Евангелия), на то, чему «Василий учаше» (византийский писатель Василий Великий). Без труда узнаются и другие переводные литературные источники его советов. Однако глубокое проникновение

⁴⁹ Повесть временных лет. Часть первая. Текст и перевод. Подготовка текста Д. С. Лихачева. Перевод Д. С. Лихачева и Б. А. Романова. М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»), стр. 153, 163. (Далее: Поучение).

Владимира Мономаха в размышления учительной литературы над поступками человека и над побуждениями к ним сказалось не только в прямых цитатах, но и в своеобразной психологической настроенности «Поучения». Учительная литература требовала от всякого христианина, чтобы он чаще заглядывал «со испытаньем» в свою душу, проверяя, «что лукаво в ней есть» (Пчела, стр. 341), отвечают ли его «помыслы» «деяниям», «житию». Так и Владимир Мономах не только описывает свои «ловы» и походы, не только излагает своим читателям правила поведения, но и открывает свою душу, пишет, «помыслив в души своей», о прожитом, размышляет о том, что побуждало его к тем или иным поступкам. Мономах зовет и читателей: «...управивъше сердце свое, на нем же можете устояти», только тогда целуйте крест, т. е. дайте обещание, лишь проверив, сможете ли выполнить его (Поучение, стр. 157). Все советы он просит принять «в сердце свое». Мономах подсказывает и двоюродному брату Олегу Святославичу, убившему младшего сына Мономаха Изяслава, о чем следовало ему, «вникнущи в помыслы души своей», подумать при виде убитого юноши, признать свою вину — «света сего мечетнаго кривости ради налезох грех себе, отцю и матери слезы» (Поучение, стр. 164). И Владимир Мономах пишет, что итогом таких помыслов должно стать примирение с семьей убитого. Так через все части дошедших до нас «грамотиц» Мономаха проходит его интерес к «внутреннему человеку», к скрытым побуждениям, определяющим его поведение.

Начитанность Владимира Мономаха придала определенную литературную форму той феодальной идеологии, пропаганде которой посвящена его «грамотица». Но учительная литература воспитала у него и стремление проверять свои «помыслы» требованиями этой идеологии. В итоге его летописный портрет, выполненный в стиле «монументального историзма», не вполне совпадает с автопортретом, нарисованным в «Поучении» и в письме к Олегу Святославичу. Последний глубже психологически и дает более ясное представление о реальном князе конца XI — начала XII в.

Характеризуя общее отношение Мономаха к жизни, как оно выражено в его «Поучении», Б. А. Романов обращает внимание на призыв автора к читателям: «А приметь е в сердце свое и не ленитися начеть тако же и тружатися» (Поучение, стр. 153). «Жизнь вообще и жизнь князя, в частности, — это труд».⁵⁰ Мономах опирается на «Наказание Исухия презвутера Иерусалимского», выдержки из которого читаются уже в Изборнике 1076 г.: «Мати зълъм леность — доброты бо яже имаши, крадеть, а их же не имаши, не дасть обрести» (стр. 287). Это определение затем вошло в «поучения ленивым», и Мономах, точно цитируя первую его часть, по-своему передает вторую: «Леность бо всему мати — еже умееть, то забудеть, а его же не умееть, а тому ся не учить» (Поучение, стр. 158). Итак, жизнь в труде, при соблюдении основных христианских правил личной и общественной морали, — вот к чему зовет Мономах, требуя при этом проверять дела и поступки «помыслами». Б. А. Романов подчеркивает общедоступность выдвигаемых автором требований: «Его автобиография, советы его „поучения“ — не уникальные, а приспособлены к среднему и типическому, пропитаны компромиссом и бытом. Его жизнь не похожа на житие. Поучая, он ни сам не лезет в герои, ни от поучаемого им читателя своего не требует невозможного ... он сумел сделать эту (феодальную, — В. А.-П.) идеологию доступной своему читателю,

⁵⁰ Б. А. Романов. Люди и нравы древней Руси. Изд. 2. М.—Л., 1966, стр. 129. (Далее: Романов).

связать ее с жизненным опытом, запечатлеть ее в образах своего знаменитого „Почуения“» (Романов, стр. 128). Отметим, что попытки связать с жизненным опытом психологические суждения, советы, запреты делались и в сборниках дидактических афоризмов, когда общие выводы иллюстрировались рассказами из жизни философов, писателей или исторических деятелей (см. выше, стр. 49).

* * *

Примером использования человековедческих наблюдений учительной литературы является одно из самых своеобразных произведений русской литературы старшего периода — «Слово» Даниила Заточника. Уже общая установка автора, стремящегося возбудить сочувствие князя к Даниилу Заточнику («не зри внешняя моя, зри внутренняя моя»), приглашает присмотреться к душевному миру героя, учесть его способности и отношение к службе у князя, оценить его как личность, несмотря на бедственное положение, в каком он очутился. Это первый «страдающий» герой русской литературы, которому автор и сам сочувствует, и приглашает читателей к состраданию ему.

Изображение характера и взглядов Даниила Заточника не укладывается в рамки господствовавших стилей XII—XIII вв. — ни стиля монументального историзма XI—XIII вв., так ярко и убедительно раскрытого в монографии Д. С. Лихачева «Человек в литературе древней Руси» (стр. 25—62), ни современного ему агиографического стиля. Не обнаруживаются в «Слове» и черты эпического стиля, охарактеризованные Д. С. Лихачевым на основании памятников русской литературы XI—XIII вв. (там же, стр. 62—71). Зато связь приемов изображения «внутреннего» мира Даниила Заточника с учительной литературой и «мирскими притчами», т. е. с учительным же жанром народного творчества, обнаружена исследователями давно.

Автор «Слова» не скрывает своего знакомства с книжными источниками своего повествования: «Аз бо, княже, ни за море ходил, ни от философ научихся, но бых аки пчела, падая по розным цветом, совокупля медвенный сот; тако и аз, по многим книгам исьбирая сладость словесную и разум, и съвокупих аки в мех воды морския» («Слово» Даниила Заточника, стр. 33). Прямые литературные источники автора определяются без труда.⁵¹ Какие же цели преследовал автор, собирая «сладость словесную и разум» «по многим книгам»?

Основная цель находящегося в бедственном положении автора — вызвать сочувствие князя, приблизиться к нему, завоевать его доверие. Чем же убеждает он князя в ценности своей личности? Сначала Заточник в общей форме утверждает, что ум дороже богатства: «Господине мой, не лиши хлеба нища мудра, ни вознеси до облак богата несмыслена. Нищъ бо мудр аки злато в кални судни; а богат красен и не смыслить, то аки паволочато изголовие, соломы наткано». Затем это суждение он прилагает к себе: «Господине мой! — обращается Даниил к князю. — Не зри внешняя моя, но возри внутренняя моя. Аз бо, господине, одением оскуден емь, но разумом обилен; ун възраст имею, а стар смысл во мне. Бых мыслию паря, аки орел по воздуху» («Слово» Даниила Заточника, стр. 21, 22). Эта высокая оценка ума («смысла»), который дороже всего — богатства, «злата и сребра», внушалась уже Библией в обеих

⁵¹ См.: П. Миндалев. «Моление» Даниила Заточника и связанные с ним памятники. Казань, 1914.

ее частях — ветхозаветной и новозаветной, вошла в учение о мироздании, изложенное в Шестодневе, где ум поставлен в человеке выше всех способностей: «Тело бо воин есть, а ум кнез и царь».⁵² Самая фразеология отрывка, где Даниил хвалит свой ум, выдает литературный образец автора: «Бых мыслию паря», — говорит Даниил, так же как автор Шестоднева советует читателю: «Мыслию пари . . . на высоту и разумное».

Известно было в литературе и сопоставление движения мысли с полетом орла. В поучении Кирилла Философа читаем совет: «Полетай мыслию аки орел по воздуху». В одном из «слов» Климента Словенского Макарий Римский изображается так: «Бе бо ун телом, а умом стар и высок мыслью, летая мыслью под небесем яко орел».⁵³ В последней цитате то же, что в словах Даниила Заточника, противопоставление юного возраста зрелому уму.⁵⁴ Продолжая восхвалять ум, Заточник в редакции XIII в. утверждает уже, что ум дороже и храбрости. В порыве откровенности он признается: «Аще есми на рати не велми храбр, но в словесех крепок; тем, збирая храбрыя, и совокупляя смысленыя . . . Умен муж не велми бывает на рати храбр, но крепок в замыслех; да тем собирати мудрые» («Слово» Даниила Заточника, стр. 57, 58). Изречениями из Библии, из Повести об Акире Премудром и других литературных источников Заточник доказывает преимущества «мужа мудра» перед «безумным». Исторический смысл этих призывов к князю «сбирати мудрых и храбрых, но мудрым «нищим» отдавать предпочтение перед «безумными» знатными и богатыми раскрывает Б. А. Романов (стр. 29—30), связывая их с общественными отношениями и борьбой внутри класса феодалов в XII—XIII вв. Литературовед не может не обратить внимания на то, что эти призывы оформлены средствами фразеологии учительной литературы и подкреплены таким образом ее авторитетом. В обстановке, когда, по словам Заточника, «богат мужь везде знаем есть, и на чужие стране друзи держить, а убог во своей ненавидим ходить. Богат възглаголеть — вси молчат и вознесут слово его до облак; а убогий възглаголеть — вси на нь кликнуть. Их же ризы светлы, тех речь честна» («Слово» Даниила Заточника, стр. 11), большой смелостью было убеждение Заточника, что в человеке надо ценить не «внешняя», а «внутренняя», что среди способностей человека самая необходимая — мудрость. Ту же «сладость словесную», какой Заточник пользуется в описании личных переживаний, применил он в создании примерного облика мудрого князя — «доброего господина» («Слово» Даниила Заточника, стр. 19—20). Этот князь, по определению Б. А. Романова, «мыслится в масштабах одного города, отнюдь не всей „Русской земли“: «истинной пружиной княжеской политики и поведения у Заточника оказываются „думци“, советники: „князь не сам впадает в вещь, но думци вводят“, как и корабли топят не море, а ветры. А главное, предмет этой политики и стимул этого поведения — всего только добывание столов в феодальной войне между отдельными группами разросшейся Рюриковой династии: „З добрым бо думцею думая, князь высота стола добудеть, а с лихим думцею думая, меншего лишен будеть“» (Романов, стр. 21—22).

⁵² Шестоднев, составленный Иоанном, ексархом болгарским по харатейному списку Московской синодальной библиотеки. — ЧОИДР, М., 1879, кн. 3, л. 212.

⁵³ Цит. по кн.: Акад. Володимир Перетц. «Слово о полку Игоревім». У Київі, 1926, стр. 138.

⁵⁴ Подробнее историю метафоры «полет мысли» см.: В. П. Адрианова-Перетц. Из истории русской метафорической стилистики. — В кн.: Поэтика и стилистика русской литературы. Памяти академика Виктора Владимировича Виноградова. Л., 1971, стр. 28—35.

Призывая князя оценить по достоинству его ум, Заточник и себя, видимо, мыслил таким «добрым думцею». Порожденная исторической действительностью такая идеология нашла опору в «притчах», собранных по «многим книгам» и смело поставленных рядом с «мирскими притчами», т. е. народными изречениями, пословицами, и даже с искусством скоморохов. Органическая связь с учительной литературой, откуда автор брал не только «сладость словесную», т. е. стилистику, но и «разум» — мировоззрение, не стала препятствием к тому, что «в своей образной системе», по справедливому заключению Д. С. Лихачева, «Слово» «больше, чем какое-либо другое произведение русской литературы XI—XIII вв., опирается на явления русского быта».⁵⁵ Ведь и переводная учительная литература в своей человековедческой части постоянно прибегает к бытовым образам, чтобы сделать свои размышления и наставления наглядными и убедительными для читателя.

Раскрыв внутренний мир Заточника, от лица которого ведется рассказ, автор попутно в его же уста влагает характеристики «помыслов» и поведения лицемерных друзей (они «очима бо плачутся со мною, а сердцем смеют ми ся», они отвернулись, «зانه не поставих пред ними трапезы многоразличных брашен», «при напасти» они становятся врагами — «Слово» Даниила Заточника, стр. 9), человека в печали («всяк бо человек хитрить и мудрить о чюжей беде, а о своей не можеть смыслити ... в печали обретает человек ум свръшен ... печалну бо мужу засышють кости» — «Слово» Даниила Заточника, стр. 13), «мудрых» и «безумных людей», «злых жен», «богатых и убогих» и т. д. Интерес к внутреннему миру всех окружающих Заточника людей притягивает и здесь в его изложение фразеологию человековедческих эпизодов учительной литературы. Так возник этот «своеобразный по жанру, замечательный и едва ли не самый загадочный и спорный памятник древнерусской литературы», как его определяет последнее из посвященных ему исследований.⁵⁶

* * *

Когда по образцу переводных «поучений» и «слов» стали создаваться русские произведения соответствующего жанра, они, среди других тем, непосредственно касавшихся религиозного воспитания читателей, продолжили и разработку вопросов личной и общественной морали, анализировали «нрав» и «помыслы» людей, отраженные в их поведении.

К самонаблюдению звал свою паству Серапион Владимирский в годы тяжкого ига: «... внидите в помыслы ваша, узрите сердечныма очима дела ваша».⁵⁷ С особой силой звал проповедник своих современников остерегаться «обид» по отношению к ближним, преодолевать в себе жадность.

Серапион Владимирский именно «несытство» стремящихся к богатству считает особенно тяжким грехом: «... акы зверье жадают насытитися плод, тако и мы жадаем и не престанем, абы всех погубити, а горкое то именови и кровавое к собе пограбити. Зверье едше насыщаються, мы же насытитися не можем: того добывше, другаго желаем» (Петухов, Приложение, стр. 9).

⁵⁵ Д. С. Лихачев. Социальные основы стиля «Моления» Даниила Заточника. — ТОДРА, т. X, М.—Л., 1954, стр. 109.

⁵⁶ Н. Н. Воронин. Даниил Заточник. — В кн.: Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967, стр. 54.

⁵⁷ Е. Петухов. Серапион Владимирский, русский проповедник XIII века. СПб., 1888, Приложение, стр. 5. (Далее: Петухов, Приложение).

Серапион Владимирский, обличая своих современников, убеждает их не только «от писания» — авторитетом христианского учения, но и ставит им в пример врагов-поработителей: «Погании бо, закона божия не ведуще, не убивают единовѣрных своих, ни ограбляют, ни обадят, ни поклепят, ни украдут, не запрятыся чюжого. Всяк поганыи брата своего не продаст, но кого в них постигнет беда, то искупят его и на промысл дадут ему. А найдена в торгу проявляют. А мы творим ся вернии . . . всегда неправды есмы исполнены и зависти, немилосердыя, братью свою ограбляем, убиваем, в погань продаем, обадами, завистью, аще бы мощно, снели друг друга . . . Аще велможя или простыи, то весь добытка жалает, како бы обидети кого» (Петухов, Приложение, стр. 14).

* * *

С большим вниманием, между прочим, относилась учительная русская литература к теме поучений «о ленивых и сонливых» и «о пьянстве». Труд как основа жизни — центральная тема и учительной, и автобиографической частей «Поучения» Владимира Мономаха. Все, что отвлекает человека от труда, осуждается и русской литературой, поэтом и обличению пьянства русские писатели уделили много внимания в разных жанрах — в «словах», в «Азбуке о хмеле», в пародийно-сатирической «Службе кабаку», позднее в лубочных картинках и подписях к ним. Подобно переводным произведениям, и русские рассматривают вредное воздействие пьянства на «нрав» — характер человека и его поведение, предупреждают и о том, что оно разрушает его материальное благополучие.

В списке XV в. до нас дошло одно из ярких обличений пьянства, подписанное именем «Кирилла Философа Словенского»,⁵⁸ однако явно русского происхождения. Русскому автору принадлежит самый замысел — вести обличение от имени Хмеля, олицетворяющего пьянство. Это Хмель обращается к людям всех званий, всякого достатка — «и ко священническому чину, и ко князем и бояром, и ко слугам и купцем, и богатым и убогим, и к женам». Он предупреждает их одновременно и от пьянства и от безделья, соединив неразрывно обе темы. В Описании каждого, кто начнет «осваивати» хмельное питье, дается и внешний облик пьяницы, и характеристика его настроения: «. . . первое доспею его блудна, а к богу не молебника, а в нощи не сонлива, а на молитву не встанлива, а испався ему стенание и печаль ему наложу на сердце; вставшу ему с похмелия, глава ему болить, а очемь его света не видети, и ни на что ему на добро умь не идеть, а ясти не жадаеть, жадаеть и горить душа его паки пити хошетъ, да изопьетъ с похмелия чашу и другую, и потом многы пиеть» (Варлаам, стр. 64). Этому описанию нельзя отказать в точности и обстоятельности. Красочно описана судьба ленивого: «лежати долго — не добыти добра (вероятно, в оригинале была выдержана ритмическая форма: «долго лежати — добра не добыти»), а горя не избыти, лежа не мощно бога умолити, чти и славы не получитьи, а сладка куса не снести, медовья чаши не пити, а у князя в нелюбви быти, а волости или града от него не видати. Недостатки у него дома сидять, а раны у него по плечемь лежать, туга и скорбь по бедрамь гладомь позваниваеть, убожие у него в калите гнездо свило. Привязалася к нему леность, как милая жена, а сон, как отецъ, а охание, как любая чада, а злы дни на него

⁵⁸ Арх. Варлаам. Описание сборника XV столетия Кирилло-Белозерского монастыря. — Ученые записки II отделения Акад. наук. СПб., 1859, кн. V, стр. 64—65. (Далее: Варлаам).

смотрят, уловляют его, как свинию: свинья бо аще где не видет, да рылом тычеть. Тако и пьяный человек». Затем речь снова возвращается от ленивого к пьяному, изображая, как он теряет чувство собственного достоинства: «Пьяный человек, аще в кьи двор не пустять, у тына стоить, послушивая, пють ли в дворе семь. Вратие, спрашивает у коегождо и человека» (Варлаам, стр. 65). Пьянство разоряет, мастерство отнимает, ведет к нищете: «Княземь и болярюмь землю пуну створяеть, а люди добрых и равных и мастеров в работе счиняеть, от пьянства ох и убожие злое привязуется, пьянство брата с братом сваживает, а мужа отлучает от своая жены». И снова следует напоминание о вреде пьянства для здоровья: «Пьянство ногам болюеть створяеть, а руки ему дрожат, зрак от очию погибаеть . . . красоту лица изменяеть» (Варлаам, стр. 65).

Так русский проповедник развил, связав неразрывно, обе темы переводной учительной литературы — лени и пьянства. Бытовые сравнения, олицетворение «хмеля» и «убожия», «туги и скорби», т. е. нищеты, сопоставляющей ленивому и пьянице, обогатили его обличительную речь элементами живого русского языка и даже его устнопоэтической разновидности. Внешний и внутренний облик лентяя-пьяницы представлен на фоне его бедственной судьбы. Но этот облик должен вызвать у читателя, по мысли проповедника, не сочувствие, а страх уподобиться пропойце. Это скорее предостережение, чем призыв помочь гибнущему от пьянства человеку. Именно потому так сгущены краски в описании судьбы пьяницы и применено унижительное сравнение его со свиньей.

* * *

Среди литературных произведений первой половины XVI в. заметное место принадлежит «наказаниям» митрополита Даниила. Резко консервативное направление всей его церковной и общественной деятельности, жестокость расправы с противниками — все это нашло свое отражение в характеристиках тех, кого он темпераментно обличал в этих «наказаниях». Язвительно-сатирическое описание «ленивых пастырей», вельмож-щеголей, красующихся богатой одеждой и увлекающихся «мирской славой», отдельных человеческих пороков обнаруживают незаурядное литературное мастерство Даниила, его стремление показать возможно убедительнее и «внешняя» и «внутренняя» тех, кто, с его точки зрения, заслуживает самого сурового осуждения. Наблюдательность автора, его умение заглянуть иногда глубоко в «помыслы» и «нрав» человека сказались в некоторых его положительных выводах, в советах, каким должен быть человек.

Даниил усвоил сам и советует своим читателям помнить завет Соломона: «Внимай себе, да избавишися яко серна от тенета и яко птица от пругла». Развивая этот совет, он пишет: «Аще бо кто не внимает себе, сей невесть ни себе, ни иных; внимай же себе, сей весть себе и свою меру познавает же и свою немощь, и где уклоняется и привязуется ум его, и что любит, зрит же и других, и полезная от них приемлет. . . от всех, душа вредящих отвращается».⁵⁹ «Худии и ленивии пастырие», в изображении Даниила, не выполняют своих прямых обязанностей по отношению к пастве; вместо этого «себе упасоша и расшириша чрева своя брашны и пьянствы . . . точию на славу и честь и на упокоение, еже ясти и пити сладостная и драгая и честнейшая, и на тщеславие и пре-

⁵⁹ В. Жмакин. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881. Отдел приложений, стр. 23. (Далее: Жмакин).

зорство, и на въсприятие мзды уклонишася» (Жмакин, стр. 4). Осудив и «наказав», каким должен быть пастырь, Даниил в заключение требует, чтобы он своих огорчений людям не показывал: ему «сладку и веселу быти подобает, аще и не хотящу сердцу от сгнетающих его печалей и скорбей» (Жмакин, стр. 6).

Гиперболически изображены поведение и настроения человека, строго осуждаемого Даниилом за пристрастие к «мирским» забавам: «... пляшещи, скачеша, блудная словеса глаголеши, и иная глумления и сквернословия многая съдеваеши, и в гусли, и в смыки, в сопели, в свирели вспеваеши... гордишися, и превозношаешися, рыкаеши аки лев, и лукавствуеши яко бес, и на диавольская позорища течеши яко свинопас. Жены красны блудница или ино лице женовидно красноюнеющеся видев, и светло и мягко тело обюхав, и притек, объем, целуеши, мызжеши, и руками осязаеши и толико безстуден и безумен быв бесовскою любовию восхитився к ней, аки бы ея внутрь себе вместити, сице помрачен сый, якоже от бессловесных бываа, аки жребецъ некий сластонояростивый, рзяя и сластию распалаяся, аки огнем горя, яко вепрь к свинии своей похотствуа и употеваа, и пены испущаа...» (Жмакин, стр. 19). Даже одежда и весь внешний вид богато одетого человека описан раздраженно осудительно, однако с выразительной наглядностью: «Кая же тебе нужна есть выше меры умыватися и натриватися? И почто не точию власы твоа, но и плоть свою с власы твоими остригаеши от браны и ланит твоих, многажды и главу твою, и повешаеши под брадою пугвици сияюща красны зело, а красишися тако, яко же и женам не лепо есть? Кая же тебе нужна есть сапоги шолком шитыа носити, или каа ти нужна есть не точию выше меры умывати руде, но и перстни златыа и серебряныа на персты твоа налагати?». Даже увлечение охотой Даниил считает бессмысленным: «Кый же ли прибыток ти есть над птицами дни изнуряти? Каа же ти нужна есть псов множество имети» (Жмакин, стр. 28).

Среди других осуждаемых Даниилом пороков особо выразительно представлена зависть и ее вредное отражение в поведении человека: «зависть высоту престолов желает, всех славу на себе влечет, всех честнейша любит быти, лукавства стяжывает, правды отвращает, ближняго злым радуется и веселится яко же о напастех и бедах ближняго. Егда же убо видит кого, добре богатство имуща, завидит, трясется, враждует, укоряет» (Жмакин, стр. 35). Но Даниил умеет определять и положительные качества в поведении человека. Вот как, например, он определяет истинную любовь к ближнему: «Любы долготерпит, благость показывает, любы не завидит, любы не лукавствует, не гордится, не злообразуется, не ищет своих си, не раздражается, не вменяет злое, не радуется о неправде, радуется же о истине, вся верует, все уповает, все терпит, любы николи же отпадает» (Жмакин, стр. 15).

Пройдет немного времени и послание Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь откликнется осуждением «мирских» обычаев в строе монашеской жизни, стилистически продолжающим форму обличений в «наказаниях» митрополита Даниила: «... не имеем ли сел, якоже и мирьстии, не словут ли нивы чернеческия, и езера, и пажитини скотом, и домове твердо ограждени, и храмы светли? Не имеем ли ковчеги со имением твердо хранимы, якоже и мирстии домодержцы? Не красуем ли ся блистанием златным и веселимся светлостию ризною и величаемся?»⁶⁰

⁶⁰ Послания Ивана Грозного. Подготовка текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. Перевод и комментарии Я. С. Лурье. М.—Л., 1951 (серия «Литературные памятники»), стр. 99.

* * *

Развитием традиции переводных поучений «о злых и добрых женах» в русской литературе явилось «Сказание о беседе премудра и чадолоубива отца, предание и поучение к сыну, снискателна от различных писании богомудрых отец и премудраго Соломона, Иисуса Сирахова, и от многих философов и искусных о женстех злобе».⁶¹

Выше (см. стр. 25) отмечено, что в переводной учительной литературе образ «злой жены» представлен ярче, психология ее раскрыта полнее. Фразеологией подобных учительных «слов» воспользовался уже автор «Слова» Даниила Заточника, объясняя отказ Заточника жениться «у богата тества» («Слово» Даниила Заточника, стр. 27—32). В «Сказании о беседе» «добрая жена» характеризуется традиционным перечнем обязательных для нее добродетелей, зато, предостерегая сына от «злой жены», отец подробно описывает ее «нрав», поведение, способы, какими такая жена подчиняет себе мужа. Если он «хотения ея не исполнит, тогда она зело въздыхает, слезит и шепчит, ни худа ни добра не глаголет, очи свои изменит, нос потупит, и зубы своими скрегчит, и что речет муж ее, и она что медведица пыхнет, и пред ним плачет день и ночь, и мужу своему покоя не даст, гнев имеет» (Кушелев-Безбородко, стр. 462). Прямой речью передаются упреки мужу. Продолжая описывать «нрав» такой жены, отец характеризует ее самонимие и завистливость: «Хощет убо жена, дабы вси хвалили, любили и почитали. Аще ли иную похваляют, то она возненавидит и вмняет в недружбу и чужую похвалу в студ вълагает ... И всегда хощет болшину имети и никому не хощет покоритися, ни послушати, то всегда хощет повелевати и всего хощет ведати и поучати и умети. Аще же не умеет и не знает, а глаголет — умею и знаю» (Кушелев-Безбородко, стр. 462). С бытовыми подробностями отец продолжает изображать сыну жену «льстивую и пронырливую», которая притворяется больной, чтобы не работать; «сварливую и злоязычную», которая «всех злословит и укоряет», «имеет язык яко бритву изощрену»; «крадливую и лукавую», которая тайно прячет «сокровища» — имущество мужа, чтобы после его смерти быть богатой и «за инога мужа поити»; «лстивую и блядливую» — она пылко объясняется в любви мужу, а в его отсутствие «в оконце часто призирает», завлекает «многим юным угодит и всякого к себе льстит»; «обавницу и еретицу», колдовством пытающуюся погубить мужа (Кушелев-Безбородко, стр. 463—464), — она мужа своего «возненавидит, юных же возлюбит» и умертвит мужа. Нравоучительными притчами, библейскими примерами, нагнетанием осудительных эпитетов отец стремится отвлечь сердце сына от «злой жены». Многоопытный отец, изучивший все женские хитрости, противостоит доверчивому мужу такой жены, который подчиняется ей во всем, впадает в бедность и умирает от колдовства жены — «обавницы и еретицы».

* * *

Изображение «нрава», «помыслов» человека в переводной учительной литературе, как видно из приведенных в качестве примеров русских литературных произведений XI—XVI вв., оказалось образцом для развития в этих произведениях способов анализа внутреннего мира человека и словесного выражения итогов этого анализа. В старших русских

⁶¹ Памятники старинной русской литературы, изданные Г. Кушелевым-Безбородко, вып. II. СПб., 1860, стр. 461—470. (Далее: Кушелев-Безбородко).

памятниках («Поучение» Владимира Мономаха, «Слово» Даниила Заточника) открыто используется и самая фразеология переводных «слов» и «поучений», смело соединяемая с деловой речью у Мономаха и с «мирскими притчами» у автора «Слова» Даниила Заточника. В дальнейшем для своих человековедческих экскурсов русские писатели реже пользуются прямыми цитатами переводных произведений, вырабатывая свою манеру изложения наблюдений над поведением людей, которое определяется их «помыслами» и «страстями». Изложение то клонится к риторике, как у митрополита Даниила, то смело вводит живой русский язык, к которому часто прибегает автор «Беседы отца с сыном о женской злобе». Прямые цитаты теперь употребляются для подтверждения авторских мыслей авторитетом священного писания — Библии или византийских святоотеческих сочинений.

Весь этот опыт изображения человека в переводной и русской дидактической литературе необходимо учитывать, характеризуя принципиально новый подход к теме «человек» в литературе исторической — первой четверти XVII в., и демократической — второй половины века.

* * *

Суммируя наблюдения над способом изображения исторического героя в исторических произведениях начала XVII в., Д. С. Лихачев пишет: «Впервые, следовательно, в русской литературе применительно к историческим деятелям был поднят вопрос о факторах, вызывающих появление тех или иных черт в человеческом характере. Вневременная и абсолютная сущность человеческого характера, какой она представлялась в средневековье, поколеблена. Автора уже не смущает изменчивость характеров, как не смущают и контрасты в них» (Человек в литературе, стр. 17). «Человек по природе своей ни абсолютно добр, ни абсолютно зол. Беспорочных людей нет» (стр. 20). Исследователь прав, когда он утверждает, что в историческом повествовании все эти черты были новшеством, поколебавшим сложившийся веками метод изображения исторических деятелей; справедливо и объясняется это «новое отношение к человеческому характеру» «общим накоплением общественного опыта и отходом от теологической точки зрения на человека» (стр. 22).

Однако категоричность формулировки «вневременная и абсолютная сущность человеческого характера, какой она представлялась в средневековье» (стр. 17) воспринимается как непропорциональная. Действительно ли, хотя бы в пределах известного нам материала, можно утверждать, что в XI—XVI вв. русский читатель находил во всех видах литературы лишь суждения о «вневременной и абсолютной сущности человеческого характера»? Обратимся к учительным жанрам.

Ряд поучений и извлеченных из них афоризмов со всей четкостью и определенностью говорят о том, что «по естеству», т. е. от природы, человек не бывает ни только добр, ни только зол: он становится таким «по обычаю», в результате складывающихся привычек. Выработанные навыки оказываются прочнее врожденных черт характера — «обычай предложивши крепльши есть естества» (Пчела, стр. 341; см. выше, стр. 38). В каждом человеке есть и доброе, и злое. «Къто же е без греха, разве един бог» — это изречение выписал уже составитель Изборника 1076 г., и дожило оно до записи Даля в виде пословицы: «Един бог без греха». Учительная литература наставляла, как бороться с этим злым, греховным началом самому человеку. Св. Василий ставит в заслугу человеку, если он, имея возможность дурно поступить, удержит себя от

этого: «Тот достоин есть дивленья, иже мога согрешити и не съгрешить». И еще резче та же мысль выражена в другом изречении этого автора: «Никто же праведник немощи дея на зло». Итак, человек прежде всего своей волей должен менять свой характер, если он влечет его к злу.⁶²

* * *

Раскрывая новое отношение к изображению человеческого характера в исторических повестях начала XVII в., Д. С. Лихачев справедливо отмечает, что оно сказалось «в первую очередь в обсуждении характеров монархов», и связывает это с «новой практикой поставления на царство всюю землею». «Теологическая точка зрения на происхождение царской власти и идея неподсудности монарха человеческому суду впервые возбуждали очень серьезные сомнения», — заключает исследователь (Человек в литературе, стр. 22). Однако учительная литература, внушавшая, что всякая власть от бога и поэтому ей надо повиноваться, задолго до XVII в. не исключала не только обсуждения, но и осуждения этой власти. Пчела словами Исократы предупреждала: «Да не надеется никто же, улучив власти, яко утаяться прегрешенья его до коньца. Аще при своем животе уиде жестька слова, но последи приде на нь истиньна, с дерзновеньем проповедаема, а преже молчима» (стр. 108). Поэтому тот же автор советует: «Не ревнуи велику власть прискавъшему, но добре с похвалою отшедъшему» (стр. 107).

«Преже молчима» прозвучало в рассказах писателей первой четверти XVII в. и о жестоком нраве Ивана Грозного, и о «завистой злобе» Годунова, и о том, что патриарх Гермоген «ко лстивым паче и лукавым прилежа и слуховерствователен бысть», т. е. охотно поддавался живым слухам. Эти наблюдения историков XVII в. не могут не напомнить многочисленные советы древнерусских афоризмов и поучений, направленные против влияния «льстецов», «ласкавьцев», «клеветников». Большое число таких советов адресуется ко всем людям вообще, особенно же к тем, кто наделен властью. Наставление Соломона, начинающее раздел Пчелы «О житии добродетели и о злобе», было издавна известно на Руси: «Да не прельстят тебе мужи нечестивии, не ходи в путь с ними, но уклони ноги своя от стезь их, ноги бо их на зло текуть, и скоры суть на пролитье крови» (стр. 1). Отзвук этого наставления читается в рассказе летописи.

Приписывая изменения в характере Грозного дурному влиянию, писатели XVII в. все хорошее в деятельности царя связывали с благотворным воздействием Анастасии Романовой, а лучшее в поведении Годунова объясняли тем, что ему помог «многу благу навькнути» царь Федор Иванович. Обращаясь к учительной литературе, мы видим, что она звала человека проверять свои поступки самонаблюдением, но указывала и на то, что помощником при этом ему может быть верный, нелицеприятный друг. В разделе Пчелы «О братолюбьи и о дружбе» (стр. 53 и сл.; см. выше, стр. 10) не раз напоминает о том, что истинный друг «полезного

⁶² Вот почему трудно согласиться с тем, что «абстрактное понимание человеческой природы, заставлявшее средневековых книжников однообразно делить всех людей на хороших и плохих», было свойственно всей древнерусской литературе. Дидактическая литература учила, что человек «по естеству» сложен. Но и те жанры, задачей которых было «этикетное» изображение людей «высоких рангов», не всегда удерживали своих героев на высоте их положения: стоит лишь вспомнить, как «спускался на землю» Феодосий Печерский в изображении Нестора (ср. статью Д. С. Лихачева «Семнадцатый век в русской литературе» в кн.: XVII век в мировом литературном развитии. М., 1969, стр. 304).

тебе ищет», когда не со всеми твоими речами и поступками соглашается, не старается всегда «по тебе молвить», противится «непоставным твоим словом» (стр. 63). Дион рисует наглядно такого друга: «Елико кто имеет друг, толико и очии иметь, ими же, яже хоцеть, и видит, толико же и ушии ими же слышит яже достоинно, толицеми же и мыслми помышляеть, яже суть на пользу. И просто рещи: подобно есть тому, иже аще устроили бы едино тело, а душъ много имеи, промыслящих о нем» (стр. 63). К прямой критике, как сказали бы мы теперь, идущей от друга, следует прислушаться: «Яко же и бчелы не жала дея ненавидиши, но плода ради любиши, тако и друга запрещенья дея не гнушася, но приязньства ради любии», учит Катон (стр. 67). Таким добрым нелицеприятным другом для Ивана Грозного была его первая жена Анастасия Романова. Об этом прямо и пишет Хронографический рассказ 1617 г. Пышно восхваляя добродетельную жизнь Анастасии, автор добавляет: «...самого честнаго и благороднаго супруга своего, царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Русии на всякия добродетели наставляя и приводя».⁶³ И сразу после смерти Анастасии, когда кончилось ее благотворное влияние, нрав и поведение Грозного резко изменились: «...аки чужая буря велиа припаде к тишине благосердиа его» (стлб. 1274).

Начиная рассказ о царствовании Годунова, Хронограф прямо заявляет, что он не по праву занял царский престол, но «хитростными пронырствы» (стлб. 1282). Род Годунова, его происхождение, по мнению автора статьи, не давал ему права стать царем. Мысль для русского книжника не новая. Еще Пчела словами Кира утверждала: «Иже несть благороднее всех сущих под ним, да не владееть» (стр. 105). А на Руси «под Годуновым» оказалось немало более знатных («благородных»), чем он, претендентов на царский престол. В Пчеле был особый раздел изречений «О власти и о княжении», где формулированы требования, предъявляемые к власти. Среди этих изречений и обширных выписок немало таких, которые прямо подказывали поводы для критики властелина, царя, князя. Годунов приблизил к себе «клеветущих» и по их наветам расправлялся с «неповинными». Уже Изборник 1076 г. предупреждал, что «ласкавци» «лживыми словесами» «пакость творять» человеку, «искалають очи умьней» (стр. 199, 205). Пчела словами Филона учила: «Лукавыя речи ласкающих отметаися: ти бо, отгоняще душевную мудрость, не дадять зрети истине вещьней, овогда хваляще, яже достоинно хуле, овогда хуляще, яже достоинно хвале» (стр. 125). Особо подчеркивает Пчела вред клеветников, сурово осуждая тех, кто прислушивается к наветам — как патриарха Гермогена историк XVII в. осудил за то, что он «слуховерствователен бысть». Статья Хронографа отмечает, что Годунов поддался «завистой злобе», им овладело «сластолюбие власти». Все это «помрачи» и добрые дела, которые он совершил в первые годы правления (стлб. 1283—1285). Вспомним советы «властелину», собранные в Пчеле: «Иже хоцеть над инем княжити, да учится первие сам собою владети», «Любим въсхощи быти при житьи, нежели страшен. Его же бо вси бояться, и ть всех боиться» (Демокрит, стр. 103); «То есть властелин истинный, иже себе разъсужаетъ и испытаетъ, и свою совесть горкаго судью над собою поставляетъ, мечь законныи над собою въздвизаетъ, а подручником своим съгрешающим отпускаетъ и кроток бываетъ» (Иоанн Дамаскин, стр. 100); «... в оскуденьи людьством съкрушенье сильных» (Соломон, стр. 96) и т. д. Историк XVII в. был

⁶³ РИБ, т. XIII, СПб., 1909, стлб. 1274. (Далее ссылки на это издание — в тексте).

свидетелем и страшного «оскуденья» — голода, бедствий войны, и жестоких расправ Годунова, и страха этого царя перед Самозванцем и востановившим народом. Представление о том, каким не должен быть царь, складывалось у него под впечатлением исторической действительности и подкреплялось авторитетом писания, но он впервые решился не только приложить давно знакомые требования к царю-современнику, но и изложить свои критические соображения в историческом повествовании.

Изображая критически различные отрицательные черты характеров и поведения людей, учительная литература раскрывает их вредное воздействие не только на самих этих людей, но и на окружающих, предлагает и способы борьбы, преодоления дурных «обычаев». Конкретность и жизненность наблюдений и размышлений на эти темы многому могла научить читателей, углубляя оценку их собственного поведения, с одной стороны, и поступков «инех» — с другой. Так открывался путь для раздумий над душевным миром исторических деятелей и литературных героев.

Когда автор второй редакции Хронографа утверждает, что Дмитрию Самозванцу не на пользу пошла даже его любовь к «книжному почитанию» (см.: Человек в литературе, стр. 21), о пользе которого напоминала уже летопись под 1037 г. и многократно учили афоризмы учительной литературы (см. выше, стр. 29—30), то нельзя не вспомнить, что и Пчела словами Богословца предостерегала: «Философских догмат сила кротким оружие бывает к благодеянию, и лукавым жало к злобе» (стр. 162—163). Златоуст также осуждал тех, кто «не душевныя пользы ради стяжают книги, но хотяще явити богатство свое и гордость: тако преумножися в них тѣшеславие, а никто же слыша рѣкуща: вем книжную силу» (стр. 163). И Демокрит, «видев уношу, много книг купяща, и рече: Не у влюофики да клади, но в перси» (стр. 171).

Укор Ивана Тимофеева своим современникам, легкомысленно предавшимся Самозванцу («Вместо разума токмо седину едину имуще и брэдную власом долготь, юже являху людем и красяхуся тою, яко мудрии»), Д. С. Лихачев определяет как новую черту в представлении о человеческом характере: «Внешность человека уже не соответствует, как раньше, его характеру» (Человек в литературе, стр. 21). В Пчеле св. Василий учит: «Старчъский ум вернеиши седин» (стр. 432). А Златоуст напоминает: «...седина бо тогда чьстьна есть, егда сединная дела творить... седины бо чьстими не того ради, оже бел образ лучи чернаго, но зане знаменая суть доброму житью» (стр. 433); «Белии бо власи никого же не спасают, седина бо не белии власи, нъ душевная благодь» (стр. 434).

Отмечая изменение характера Годунова после смерти царя Федора, когда он получил всю полноту власти, Иван Тимофеев утверждает, что именно «высота сана», которая была дана ему «паче естества», оказалась причиной того, что Годунов «претворися и нестерпим всяко, всем жесток и тяжек обретеса; о людех варив благотворением малем и прельсти державу свою» (Человек в литературе, стр. 18). В этих словах слышится прямой отзвук горького скептицизма учительной литературы, утверждавшей словами Иоанна Златоуста: «Велик человек есть пред богом, иже во власти не изменится». Даже «смысленные» поддаются дурному влиянию власти: «Власть бо очи смысленных ослепляет».⁶⁴

⁶⁴ «Слово святых отец о славе мира сего» по тексту Измарагда Троице-Сергиевской лавры, № 202 — Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, вып. 3, стр. 83.

Учительная литература, перечисляя те добрые качества, которыми должен быть наделен носитель власти, несомненно опиралась на «общественный опыт», подсказывавший, как часто «властям» недостает этих качеств. Именно этим объясняется изречение Епиктита, обязывающее «мужа умна и мудра» не уклоняться от предлагаемой ему власти: «Безаконно бо есть умна отвести, а незаконна привести. Несмыслени же суть, иже и злыми владеемы бывают. Люто бо есть и горко, аще злии над добрыми владеють, и несъмыслени над умными» (Пчела, стр. 110).

Как видим, учительная литература теоретически подготовила к XVII в. русских историков и их читателей к размышлениям над человеческим характером — над его сложностью и противоречивостью, над совмещением в нем доброго и злого начала. Эта литература широко осветила и проблему влияния на характер и поведение людей окружающей среды, противопоставив благотворное воздействие истинных друзей вреду, наносимому лукавыми, льстецами, клеветниками. Общественный опыт тяжелых лет Смуты начала XVII в. действительно впервые побудил писателей-историков не только задуматься над тем, как давно знакомые психологические представления конкретизируются в поступках современных им исторических деятелей, но и изложить литературно свои размышления. В самом способе изображения характера этих деятелей явно ощущается, однако, и литературный опыт: традиции учительных жанров определили многое в психологических портретах главных исторических деятелей начиная с Ивана Грозного.

* * *

Следующий этап в истории изображения человеческого характера Д. С. Лихачев справедливо связывает с развитием разных форм демократической литературы середины и второй половины XVII в. Возникает вопрос: с какой традицией сближается этот новый стиль и новое отношение к человеку?

Исследователи демократической литературы XVII в. уделили немало внимания воздействию на нее разных видов деловой письменности, фольклора и, разумеется, исторической действительности. Подводя итоги их наблюдениям и выражая свою точку зрения, Д. С. Лихачев с этим связывает появление вымышленных или безымянных героев «среднего или низкого общественного положения», вызывающих горячее сочувствие автора (Человек в литературе, стр. 112), что служит путем «к созданию типических, вовсе не идеализированных образов» (стр. 114) и «открытию ценности человеческой личности» (стр. 136—146).

Все эти черты были действительно новыми по сравнению с теми жанрами XI—XVI вв., которые в той или иной мере стремились к «историзму», каким его представляли в данную эпоху. Но были ли и за пределами фольклора и деловой письменности предшественники таких обобщенных героев, в которых «читатель мог узнавать многих», в том числе иногда и самого себя? Не предлагали ли где-нибудь раньше читателю задуматься над вопросом о «ценности человеческой личности»?

«Нормативный идеал» весьма отчетливо выражен в древнерусской литературе. Однако не следует забывать и того, что отход от него и оправдание человека, который, с церковной точки зрения, не мог не считаться «грешником» (Человек в литературе, стр. 114), точнее даже не оправдание, а сочувствие, жалость к нему были знакомы читателю задолго до XVII в. Пчела, посвящая большой раздел наставлениям о милостыне, делает упор на то, что помогать надо каждому нуждающемуся

и делать это охотно. Именем Богословца надписан совет: «Не издърѣди глас, с роптанием дая, якоже мнози творять, дающе не бодро, ни испытай просящаго — или достоин взятъя или ни» (стр. 75). Димостен напоминает: «Достоино есть миловати не тех, иже суть насилници и въсхыщаютъ, но иже бес правды оубожишася» (стр. 83—84). Больше того, афоризм того же автора призывает помочь и «лукавому», т. е., с церковной точки зрения, грешнику: «Неким жалующимся на нь, занеже по лукавем на судище попираше, и отвеща: праведнии бо поборника не требуютъ» (стр. 84). Сочувствием преступнику, осужденному на казнь, проникнут следующий рассказ Виаса: «Виас, судья сын, осуди повиннаго смертью и прослезися, и некому рекъшу: что, сам осужая, плачеши? Он же отвеща, яко нужно есть естъству милованье въдати, а закону службу» (стр. 84). Еще отчетливее эта мысль о сочувствии даже преступнику звучит в рассказе, который в русском переводе надписан именем Епиктета, а в греческом оригинале — именами Демокрита, Исократы и Епиктета: «Разбойник некий утапаше в мори и наг выбреде к берегу. Исократ же, видев ѓ зимою умирающа, и оде ѓ, и обу ѓ, и пищу дав ему, и отпусти ѓ. И поносим же бысть от некого, зане незнаемаго разбойника снабде. И отвеща: не аки человека разбойника почестих, но человеческое естъство почъстих» (стр. 84—85). Итак, ценность человеческой личности провозглашается даже в применении к разбойнику. Но ведь и герою повести о Горе-Злочастии автор сочувствует не потому, что он нарушил родительские заветы, пьянствовал, а потому, что и в этом «грешнике» он видит «человеческое естество». Демократическая литература XVII в. широко применила именно такой призыв к сочувствию и помощи «убогым», независимо от того, отвечает ли их поведение нормативному идеалу христианской этики.

Мысли о ценности самого человека, независимо от его положения в обществе, богатства, успехов, постоянно звучат в наставлениях учительной литературы о качествах истинного друга, который особенно ценен в дни «печали», «беды», «напасти»: «Есть бо друг в время радости и не пребудеть в день печали твоея... и есть друг тряпезам обьштьник и не пребудеть в днь скърби ти». Эти наставления русский читатель нашел уже в Изборнике 1076 г. (стр. 327—328). И в Пчеле среди других изречений, характеризующих истинного друга, читаем обобщенное суждение Мосхиона: «Того мни друга, иже тебе любить, а не яже окрест тебе» (стр. 67). Соответствующие этим изречениям народные пословицы вместе с демократической литературой XVII в. подчеркивают мысль о ценности самой человеческой личности, а не того, что «окрест» ее.

Рассуждения учительной литературы о богатых и бедных также не ограничиваются религиозной мотивировкой требования — богатые обязаны помогать бедным. Характерное для демократической литературы XVII в. осуждение богатых, угнетающих бедных, сочувствие неимущим и бесправным перед судьями и вообще властями явно созвучно афоризмам, с горькой иронией подчеркивающим разное отношение к богатому и бедному не только людей, но даже и закона. Уже автор «Слова» Даниила Заточника усвоил библейское (из книги Иисуса Сираха) противопоставление восприятия речей богатого и бедного и разное отношение к проступкам того и другого (см. выше, стр. 20—21). Пчела еще резче выразила словами Зелевка разницу в отношении закона к «убоному простому» и к «богатому или силному», уподобляя закон «паучине», в которой «муха или комар увязнетъ», а «бчела или шершень вылетаютъ» (см. выше, стр. 20). Начиная с Изборника 1076 г. русский читатель усвоил горькие советы Сираха: «не сvari ся с человекъмъ сильнъмъ», «с судиею»

(см. выше, стр. 20), — закрепив их к XVII в. в пословице, включенной и в позднюю редакцию «Слова» Даниила Заточника: «Не дай, господи, с богатым тягаться, а с сильным противитися».

Подобные рассуждения учительной литературы, так же как и изображение в демократической литературе XVII в. «человека, страдающего от голода, холода, от общественной несправедливости», проникнуты «горячим сочувствием автора и читателей» (Человек в литературе, стр. 137). В литературе XVII в. такие герои получили более определенную социальную характеристику. В учительных жанрах — в поучениях и афоризмах — это обобщенные образы «убогого», «простого», «бедного» человека, но они вызывают у читателя те же эмоции — «жалость и снисхождение» (Человек в литературе, стр. 138). Если согласиться с тем, что сочувствие писателей XVII в. героям, далеким от нормативного идеала, характеризует «эмансипацию литературного произведения не столько даже от автора, сколько от его морализирующей, проповеднической точки зрения» (там же, стр. 135), то следует признать, что элементы такой эмансипации наблюдаются и внутри учительных жанров, даже в старшей их библейской традиции. Ее нормативный идеал не был ведь однозначным: на Библию опиралось и ортодоксальное христианство, и ереси, отражавшие социальный протест.

И если страдающий герой демократической литературы XVII в. выступает «равновеликим» читателю (Человек в литературе, стр. 138), то еще задолго до этого он мог «узнать самого себя» в обобщенных образах «убогого», «обидимого» неправедным судьей, «богатым, сильным» — вообще «властью».

* * *

Человековедческий материал дидактических жанров литературы XI—XVI вв., переводной и русской, позволяет сделать некоторые выводы о том, насколько был теоретически подготовлен переход исторической, а затем и повествовательной и сатирической литературы XVII в. к задаче более глубокого изображения человека, когда сама историческая действительность подсказала эту задачу. Процесс обмирщения литературы еще в XVII в. не исключал из круга чтения, по крайней мере, средних и демократических слоев населения те сборники, с помощью которых распространялись учительные произведения. Большое число таких сборников и переписано было именно в XVII в. Лишь в XVIII в. этот вид чтения становится принадлежностью наиболее консервативных слоев читателей и постепенно сосредотачивается в старообрядческой среде. Здесь и продолжают переписывать произведения учительной литературы.⁶⁵ В то же время с конца XVII в. все сборники «пословиц всенароднейших» становятся доказательством того, как прочно многие, в том числе и человековедческие, наблюдения старинных изречений укрепились не только в литературной, но и в живой речи, превратившись в пословицы и влившись в фонд народных по происхождению «мирских притч».

В новой русской литературе традиции учительной литературы прошлых веков уже не соприкасаются непосредственно с развитием способов изображения человеческого характера. И все же именно сопоставление художественных образов людей, одержимых какой-либо одной господст-

⁶⁵ После революции 1905 г. выходит даже печатное издание Измарагда, в котором наиболее полно подобраны «слова» и «поучения» на тему «како жити всякому христианину».

вующей в их характере страстью, с изображением носителей этой страсти в старинной учительной литературе наглядно показывает иногда, как глубоко умела эта литература заглянуть во внутренний мир человека. Для иллюстрации этого вывода приведу один пример.

В группе поучений на тему «о скупости и несытости сребролюбца» (см. выше, стр. 18) рисуются те самые основные свойства характера и черты поведения скупого, которые Пушкин воплотил в образе Скупого рыцаря. Сын описывает скупого отца, подобно учительным «словам» не как «стяжанию своему господина, но стража и приставника и раба»:

О! мой отец не слуг и не друзей
В них видит, а господ, и сам им служит.
И как же служит? Как алжирский раб,
Как пес цепной. В нетопленной конуре
Живет, пьет воду, ест сухие корки. . .

(Сцена I)

Так же и сребролюбец «утробу свою мучит голодом. . . зимою жметя. . .».

При виде открытых сундуков с сокровищами, подобно сребролюбцу, душа которого «тлеет, зрящи блистания златнаго», Барон восклицает:

Я царствую!.. Какой волшебный блеск!..

(Сцена II)

«Слова» подробно описывали, с какими преступлениями связано собиране сребролюбцем богатства, в какие «печали» вгоняет он своих должников. И Барон, глядя на свое золото, вспоминает:

А скольких человеческих забот,
Обманов, слез, молений и проклятий
Оно тяжеловесный представитель!..

(Сцена II)

Наконец, Барон, как и сребролюбец из «Поучения», сознает, что не он, а его наследник воспользуется накопленными им богатствами:

И потекут сокровища мои
В атласные дырявые карманы.
.
Он расточит. . . А по какому праву?

(Сцена II)

Конечно, скупой рыцарь как художественное воплощение скупости несравненно выше «сребролюбца» «немиловитого», «лихоимца» из древнерусских «поучений». Однако именно поставив их рядом с шедевром Пушкина, мы можем справедливо оценить, как глубоко умели проникать в «помыслы» и побуждения человека авторы дидактических произведений. И если создание в литературе человеческого характера, в котором все его отдельные черты объединялись бы в цельный образ, было еще не под силу молодой русской литературе, то мастерскому определению наиболее ярких проявлений этих черт человеческого характера и обусловленного ими поведения учили и произведения дидактической литературы. Книжные афоризмы сближались с народной мудростью, выраженной в пословицах, в которых к общечеловеческому опыту прибавлялся и национальный, накопленный веками и обусловленный своеобразием русской исторической действительности. К XVII в. появятся первые опыты создания социальных типов, почва для чего была подготовлена столетиями

размышлений над отдельными проявлениями тех или иных человеческих свойств в личном и общественном поведении людей.

Русская литература на каждом этапе своего исторического пути выполняла воспитательные, учительные, функции. Менялись самые цели, которые ставились этим литературным учительством, и средства, какими его осуществляла литература, менялось философское и социальное направление учительства, соответственно иными становились положительные и отрицательные герои литературы. Но восходящая линия развития русской литературы в той или иной форме всегда помнила о своем воспитательном воздействии. И с этой точки зрения так называемая древнерусская литература не может быть оторвана от «новой». Однако воспитательную функцию литературы XI—XVII вв. не случайно называют «воинствующим дидактизмом», в новое время характерным не для художественной литературы, а для публицистики.

Назидательность в этом периоде осуществлялась открыто, путем прямого наставления читателя, через декларативное выражение авторских оценок людей и событий, через подчеркнутое разграничение положительных и отрицательных героев, через стремление идеальное, желаемое представить как реально существующее. К таким открытым способам внушения читателю своих идей и оценок литература в новое время уже не прибегает. Однако и в феодальном периоде эти открытые способы не были единственными средствами привлечь читателя на свою сторону. Убеждали его и художественная изобразительность человеческих портретов, и описания событий и поведения людей. Шаг за шагом русская литература вырабатывала умение передавать в слове правду жизни; от деловой передачи фактов или натуралистического их изображения переходить к художественному обобщению. Этот опыт накапливался не только в светских произведениях, но в этот период — и в этом обширном разделе учительной литературы, который иногда склонны расценивать лишь в связи с христианским культом, вне рамок собственно литературы.
